

I

Сент., 93

В Глаголандии поют колокола.
Блики плещутся в морщинистых каналах.
Куполята, словно дети, к куполам
золотистыми затылками прижались.

Разгораются в Соборе Языка
образа Святой Грамматики и свечи.
Как бельишко на верёвке, облака
просыхают после стирки каждый вечер.

На базаре у собора тишь да гладь.
За прилавками Силлабы монотонно
предлагают по дешёвке благодать,
разливают алиллую по бидонам.

Над каналами поют колокола,
в небо тянутся молитвою весёлой.
В Глаголандии никто не держит зла:
его негде там держать среди Глаголов.

Сент., 2000

Бревенчатый сруб на холме окружён
лужайкой, заросшей травой голубою.
Четыре утра. День рожденья имён.

Сцепившись порукою рифм круговую,
на длинных скамьях восседают слова
в надвинутых шапках. Размазаны лица.

Из стрельчатых окон по стенам сочится
дрожащая утренняя синева.

Стекает по ватникам, вниз с рукавов
на пол деревянный. Там, в лужицах ночи
полощутся радуги в свете проточном.

Восходят носы над провалами ртов.
И гул нарастает. Мельканье страниц.

В глазах, словно петли обмотанных плотно
пушистыми нитками чёрных ресниц,
зажглись ободки золотые, и сотни
глухих голосов заполняют избу.

Радение Живоязычников – ими
ещё языки остаются живыми,
вещей имена обретают судьбу.

Снаружи, столпившись у входа, режут
огромные туши пока безымянных.

Мычат и, беременные ожиданьем,
покорно жуют голубую траву.
Глядят на помост, разукрашенный весь
сплетёнными лилиями полевыми.

Здесь вечером будут венчаться на Имя
глагол и ему наречённая вещь.

А в небе три ангела русских созвучий,
крылами шурша, патрулируют тучи.

Парк

Кириллица. Просторный, прилизанный парк.
 Заскорузлые ижицы, яти,
 корнями проросшие в дикую почву,
 прикрыты корою изящной словесности.
 Возле входа слепой каллиграф-и-садовник
 подбирает с благоговением
 листы у подножья Великого Бука -
 прародителя местной культуры.

В центре парка громоздкий дворец
 Самодержца всея и прочая.
 Лужайка с кустарником мелких стихов.
 Наследник в матросской форме.
 Фарфоровые обречённые глаза.
 Велеречивый клеветник склонился над ухом.
 Артритом сведённые пальцы
 сжимают учебник теории зла.

По жёлтым, песочным аллеям
 гуляют напудренные суффиксы,
 перебрасываясь снисходительно
 оттенками здравого смысла.
 Из крахмальных манжет торчат словари.
 Вдоль аллей - подстриженные деревья.
 Каждый год они приносят плоды,
 которые очень ценят гурманы-языковеды.

Если долго идти по любой из аллей,
 то очутишься вдруг в первобытном лесу.
 Затравленные местоимения
 бродят между корней и коряг.
 Суется и путаются под ногами
 прилагательные, готовые на всё.
 Каждый ищет предлог - показать себя.

*-материю-гласных,-простроченных-ритмом,-
 -из-горла,-как-фокусник,-строчку-за-строчкой:-
 -цветные-лохмотья-друг-к-другу-пришиты-
 -на-нитку-живую,-но-держатся-прочно,-
 -и-что-то-кричал-про-себя,-за-икаясь,-
 -кадык-челноком-строчил-стихо-творенья,-
 -цветные-лохмотья-из-слов-развевались-
 -сигналами-бедствия-прямо-на-сцене.-*

Грамматические Трёхстишия

Сущность имени – это звучание.
Сущность вещи – в звучанье названия:
в самом имени - скрытое знание.

Существительно имя звучащее –
в основании фразы лежащее
существительное подлежащее.

А сказуемый смысл движения
отглаголен степенным скольжением
вдоль к придаточному предложению,

где склоняются неукоснительно
окончанья имён существительных
падежами. Обычно винительным.

Вместе с ними в смиренном склонении
дожидаются произнесения
наши личные местоимения.

Перезревшими чёрными почками
набухают меж слов многоточия,
запятые, кавычки и прочая...

Ритмизованные пунктуацией,
части речи простёрлись в прострации –
в ожидании реанимации,

оживления новым дыханием...

6 Сент., 91

С блаженной улыбкой сидеть поздно ночью.
Со дна, меж корявых корней и стволов,
из мутной воды словоёмов проточных,
крючками отточенных четверострочий
рыбёшку вылавливать мелких стихов.

И в воду обратно... не глядя...

1991

Под дикой развесиситой клюквой,
как будто покойники в ряд,
глаголов мохнатые буквы,
сцепившись слогами лежат.
И корчится подпись, как корень,
проросший сквозь буквы сорняк
с обугленным стеблем - Григорий,
а дальше обрублено - Марк!

Февр., 92

Сквозь мёртвой грамматики город
в крылатой упряжке спряжений
глаголы несутся, в которых
спрессован прообраз движенья.
И цокают в ночь окончанья,
расплющенные удареньем.
С копыт их струится свеченье
на крыши разрушенных зданий.

И месяц зелёной дугою,
плывёт над упряжкой беззвучно.
Он тащит её за собою,
сквозь каменный город, сквозь тучи -
въезжают, прижавшись друг к другу,
на небо с хрипеньем тяжёлым
силлабо-тоническим цугом
мои коренные глаголы.

27 Июня, 92

Слова мои - зэки колонной по-трое -
шагают сквозь мёртвую тьму на работу.
А сбоку и сзади, как вохра, конвоем
казённые рифмы в тулупах добротных.

По сгорбленным спинам гуляют приклады:
„Шаг в сторону будет считаться побегом!“
Вдоль вышек с охраной, засыпанных снегом,
идут оцеплённые в строфы отряды.

Из месива сгорбленных спин, автоматов,
тулупов, сопенья, собачьего лая,
слезящихся глаз и хрипящего мата
порядок в движении слов проступает.

И ритмы сонетов в снегу отбивают
опухшие зэки ногами из ваты.

5-10 Апр., 92

Пьеса в Трёх Парах.

Вся сцена в актёрах: три пары в гостиной.
Панталык с Ахинеей в веночках из лавра,
на диване сопят Людодей с Инсультинкой,
а в углу перепутались Абра с Кадавром.

Панталык гы!гы!монится матерно,
Ахиней трендит похабелями.
Ухайдакались и телебенькают,
до отвала наевшись мыслятины.

Сцепившись болталами, Абра с Кадавром
нетленку гундосят, гугниво елозя,
как либидоносные спермотазавры
в оргазмообразном апофигеозе.

С Инсультинкой своей гулеванит
Бедокур-Людодей чернокурый.
Пишет ижицу ей на диване,
забуровившись в хлам поллитурой.

Входит Некто. Обводит разнузданным взглядом
присмирившую публику, басом ик!кает.
Надевает пенснуху и тихо читает
со значительной минной шифровку из Ада.

Это длится минуту, и сцена пустеет.
Исчезают оргазмообразная Абра,
Панталык, ухайдаканная Ахиней,
пристихованный к Абре либидный Кадаврик...

Пустота поглощает актёров в гостиной.

8 Дек., 92

Отменятина об ИсавЯкове

От Григория Марка - бумагомаракки -
спозапянку, на смыслогранице юродства
стих - Григорию Либидоносцу - на фене!
Сублимься в анапестах, Исавовы знаки -
мудалых, долбятельных фраз мельтешенье -
виршевичной похлёбкою за словородство.

Слово о „Слове“.

Недозаумь на смыслопогранке:
аще Слово хотяще творити,
запендюришь с оттяжкой полбанки
и начнёшь свое песнесоитье,
да чернуху залепишь сразмаху
лживотворно, чай не по-Бояньи,
громку славу себе рокотаху
ежесловенным совокупаньем.

Растекашется зелье по чреву,
брззья кони заржут за Сулою,
зело Ярая Славная дева,
аки зигзица, в облацы взмоет.
И в поход покундѣхает войско,
в половецкую русскую землю.
Будут биться Буй-Туры геройски,
но и бесовы дети не дремлют.

Ох нелепо, не лепо ведь, братья,
ради чти да проклятых половчих,
забуйтурясь, войну начинати.
Ить потопчут хоробрых, потопчут!
Громомолнии в тучя заблещут,
красной кровью набухнет Каяла,
солнце тьмою затмится зловещей,
и поляжет поганых немало.

Будут волцы грызть русские кости,
в дольном Киеве жонки завоют,
половню станут клясть да чехвостить,
И бояре зальют ретивое.
Да по цръкъвам костистые девкы
закрычат про замызганный грязью
пресвященный хорюговь на древке
в половецком плену, купно с Князем.

В дребадан накумысятся гады.
Князь забудется смертной истомой.
Но вотще их смердящая радость -
Инда сокола унасекомишь?
Ить уйдёт Святослаич на волю,
меж храпящих поганых прокравшись...
И зарыщут зверьём в чистом поле
Гза-Кончак несолонохлебавши.

Яр-Буй-Тур, пестер-кречете-сокол,
Игорь-свет побежит горностаем,
белым гоголем в реках глубоких,
шизым волцем в степи поскакает.
Прискакает на Русь, величаво
головою воссядет на плечи.
Всем князьям Святослаичам - слава!
и - хана хановьям половецьим!

Эту летопись славы и горя
записал во Бояново имя
озорующий старец Григорий,
словесами, однако, своими.

13-14 Сент., 95

В чужую жизнь произнесённых слов
мой карандаш ныряет наудачу...
Я написал уже пятьсот стихов,
когда вдруг вспомнил, что писать не начал.

14 Мая, 96

Пожилой Семиотик
в хитиновом френче,
генерал-адмирал
Грамматической Службы,
с ромбовидною Буквой
Закона в петлице
изучает секретную
прозу доносов.

Перед ним заключённый
Фальшивоцитатчик
ожидает с тоскою
начала допроса.
Корифей всех партийных
лингвистов с портрета
укоризненно смотрит
на лысый затылок.

Два горбатых Ревнителя
Тайных Инструкций,
заложив волосатые
руки за спины,
наблюдает с пристрастием
за заключённым.
Волдыри орденов
воспалённо мерцают.

Вопросительный знак,
перевернутый кверху,
в потолке, словно крюк,
замурован надёжно.
Механизмы для вытяжки
ассоциаций
деловито шуршат
приводными ремнями.

Генерал-Семиотик
глаза поднимает.
Занесённые снегом
по крышу бараки
проплывают в зрачках
чёрно-белую лентой.
В кабинете повеяло
холодом лютым.

Словно коршун над тундрой,
кружит Семиотик,
кинокамерой ока
на плёнку снимая
трудовую колонию
для осуждённых
за хранение ложных
цитат и инструкций.

Раздуваются красные
тряпки на вышках.
У бараков толпятся
костлявые зэки.
Клочья липкого воздуха
с кожи сдирая,
матерятся и лепят
друг другу чернуху.

В медсанчасти покорно
хрипят доходяги,
крысы носятся между
железных кроватей,
дремлет фельдшер из вольных
у печки остывшей...
И сливаются лица
живых и умерших.

Телефонный звонок.
Обрывается плёнка
у начальства в зрачках,
и Фальшивоцитатчик
обречённо садится
на стул перед лампой.
Два Ревнителя к стулу
подходят вплотную.
Начинают допрос...

27 Авг., 96

Блуждаю в романе, похожем на город,
где вывески - словно названия главок,
где с бешеной скоростью мчатся сюжеты,
читателей сонных давя без разбора,
и носятся с воем героев орравы,
цепляясь к сюжетам. Мелькают кастеты...

Издёрганный Автор в цилиндре и фраке
крадётся к Развязке с букетом известий,
прижатым к манишке. Он что-то бормочет.
И чёрная трость восклицательным знаком
в конце предложенья из чаплинских жестов
торчит из подтекста среди многоточий...

Блуждаю в романе, похожем на город...

9-16 Сент., 96

Вылезают из книг человекостихи.
В них кавычки - крючки оперенья двойного -
ощетинясь, торчат возле каждого слова.

Восклицательных знаков дубинки в сухих
перепончатых лапах зажаты сурово.

Человекостихи голоса не попадут.
Полукругом садятся на корточки, быстро
разжигают костёр. Пляшут острые искры.

Головешки обугленных строчек трещат,
отражаясь всё ярче в зрачках студенистых.

Нарастает гудящий молитвенный звук.
И Святая Грамматика в огненной славе,
из костра возникая, становится явью.

В ночь струится кириллица с поднятых рук -
отпущенье грехов человечкам плюгавым.

Перевитые искрами, гимны звенят.
И метафорой Божьей, ожившей в народе,
пресвятая Грамматика к небу восходит,
превращаясь в далёкую точку огня.

6-7 Нояб., 96

Я...
ТТТ

Три Твёрдые Точные Т -
тот мост, по которому **я**
с частицей живого огня
шагает назад в пустоте.

Вращается нимба кольцо,
над лысиной тихо гудя.
Тяжёлые нити дождя
ему оплетают лицо.

Но красный живой огонёк
не гаснет в дожде проливном.
И глухо шумит под мостом
просодии мощный поток.

С другой стороны тишины,
из праязыковых болот
процессия гласных ползёт
на кладбище следом за ним.

Лежат там в скитах на холме
нетленные мощи святых
букв - Ижицы, Яти, Фиты -
и свет источают во тьме.

Вот **я**, приносящий огонь,
подходит к подножью холма,
читает начало псалма
и в ночь поднимает ладонь.

Проходит двенадцать минут.
Стихает просодии звук.
И гласные строятся в круг,
бормочут молитвы и ждут,

что чудо свершится для них,
и мясом начнут обрастать
Фита, за ней Ижица, Ять,
восстанут из склепов своих...

Над ними рассыпется мрак,
и вспыхнут вокруг голоса.
И явится Знак в небесах –
Препинанья Великого Знак.

25 Нояб., 96

Колченогое слово Закон
по паркету шагало устало
наискось, словно шахматный слон,
и подошвами факты топтало.

А под лампой сидело Сидело
и, прикинувшись шлангом, дрожало,
изогнув в три погибели тело.
И погибель четвёртая вяло
бормотала, во тьме притаясь.
А Закон всё шагал и умело
зачищал лезвиями лампас
оголённую душу Сидело.
И катались корявые крики
на паркетном полу между ног,
каждый крик превращался в улику:
государство вело диалог
с гражданином...

29-30 Марта, 97

Обрывок Сценария.

Поздний вечер. Палата для ума-лишённых.
Стих в пижаме, расшитой славянскою вязью.
Крупным планом - заноза в мозгу воспалённом.
Мозжечок, разможжённый вселенскою смазью.
В среднем ухе его чей-то маленький голос
лихорадочно нижеет на рифму цитаты.
Бьётся птица в окне. Стая чёртиков голых
вылезает из тумбочки возле кровати.

Псих в пижаме от боли привычно звереет.
Ключья шерсти растут из его подбородка.
Входит Врач Филологии, весь в панацеях.
Осторожно, боясь расплескать в себе водку,
изучает клиента. С трудом ухмыльнулся.
Изо рта на паркет летит жёлтая пена.
По хорею проверив мерцание пульса,
метаморфий вливает в Стиха внутривенно.

Литсестра ассистирует при процедуре.
Мельтешат в худосочных руках инструменты.
Филоложный целитель, брезгливо прищурясь,
острым взглядом проводит в лице пациента,
словно бритвой, крест-накрест, две линии-шрамы
и уходит в себя. На железной кровати
Стихопсих приутих, заиграл желваками...
Люстра звёздная плавно всплывает в палату

для умалишённых от литературы.

Апр., 97

Из пустоты Господь построил нас.
Из пустоты, в которой электроны,
запущенные Им во время оно,
ведут свой вечный хоровод сейчас.

И этому круженью электронов
Он дал почувствовать Себя?

12 Апр., 97

Предметы - пальцами... чтоб вспомнить смог
первоначальные названия их.
И отпустив себя на рифмотёк,
писать, что на душу положит Бог -
объёмным, грубым шрифтом для слепых...

И наблюдать, как текст, окаменев,
становится похож на горельеф.

23 Авг., 97

Закрою глаза и увижу во-очью
клубок голосов посреди пустоты.
В клубке копошатся кричащие клочья -
и собственный голос уже не найти.

Мой ум, ненадолго зашедший за разум,
вернулся с охапкой сияющих слов,
ещё не успевших оформиться в фразы.
Но сразу значение их проросло.

Мелькали причинно-случайные связи,
с вещей осыпалась имён шелуха...
А я всё писал, наливаясь экстазом.
И это была голограмма стиха.

9-11 Июня, 97

ТЕМА

Сначала бормотать, вживаясь в образ...
Ну что-нибудь о воспалении духа.
О человечке в зеркале с недоброй
ухмылкой от уха и до уха.

Потом добавить несколько деталей
но подчеркнуть при этом их условность:
лица - овал, нос - по диагонали,
две радуги на месте дуг надбровных.

Теперь катарсис третьего катрена.
С бесшумным взрывом в зеркале напротив
лицо развоплощается!... На сцене
шевелится комочек позолоты:

стриптиз исповедальный, танец гномов -
души с незарубцованною плотью.
Есть в нём разоблачение приёма,
срывание метафорных лохмотьев.

Дать этот танец как основу текста -
сплошную копошащуюся массу,
где налезает друг на друга жесты
на красной сцене, высеченной в мясе.

(Пропустим здесь четыре смутных строчки -
их смысл восстановить уж нет надежды -
ведь мой король одет и под одеждой.
Я просто вместо них поставлю точки.)

.....

...и темой одиночества двойного,
вступающею мощно к эпилогу
как контрапункт к иронии дешёвой,
закончить,
отстраняясь понемногу.

Янв., 98

Огород неизящной словесности. Пучатся
в унавоженной почве плоды просвещения.
Посредине торчит этот стих мой, как чучело,
чтоб пугать любопытных. Метафор свечение
завываньем волков за забором озвучено.

Огородоблюститель, от старости скрюченный,
ядовитые буквицы рвёт с наслаждением,
копшатся в разинutom рту заклинания...
Терпеливые хищники с красными рожами
наблюдают блюстителя на расстоянии.

Ночь пропитана тленьем насквозь... Для чего же я
снова вытащил эту картинку из памяти?
Для чего я полез со своими стихами-то
да в чужой огород, где на грядках разложены
тени тех, кого нет?... И увешанный знаками
крючковатых вопросов, клочками бессонницы,
я здесь жду, по колено в земле унавоженной,
что Господь Авраама, Исаака, Иакова
до бедра моего, наконец-то, дотронется?

Февр. 98

Скособочились домики строк
посредине листа, и пророс
дым из труб в пелену облаков.
Свет горит, но не видно жильцов...
Только тощий, ободранный пёс
с визгом носится между домов...

Многоточье в бумажных полях,
как собачья моча на снегу -
ведь для бешеного кобеля
даже сто километров не круг...
лишь бы только оставить свой след,
лишь бы кто-нибудь принял всерьёз...

Если в этом и есть - весь ответ,
то какой на него был вопрос?

21-23 Марта, 98

Комментарий к ещё
ненаписанной книге,
где, в суконной материи
русского текста
с подоплёкою красной,
Герой Многоликий
задыхается, не
находя себе места.

А в полях собирают
цветы командиры.
Напевая похабные
песни сквозь зубы,
прижимают букеты
к хрустящим мундирам
и вздыхают задумчиво:
„любит? - не любит?“

Баянист с чувашинной
мордвою эвенков
по дороге разрытой
шагает вприплясок,
на стегно положив
две руки вздоровенных.
И несут хлеб да соль
люди разных заквасок.

На пригорке стоит
землепашец могучий.
Борода гладит ветер.
Плывут поцелуи
из пунцового рта
и взрываются в тучах.
Упыри над его
головой озоруют...

В чёрной щёлочке между
рождением и смертью
Многоликий зрачками
беспомощно вертит,
с головы его фразы
свисают, как слизи...

Комментарий к ещё
незаконченной жизни -
пояснение в виде
лубочных картинок,
для наглядности собранных
здесь воедино.

10 -11 Мая, 98

И мне примнилось: кто-то ушлый
у двери мнётся, наострив,
как кошка, ушки на макушке.
Течёт слюной речитатив,
в зубах фонемы нежной тушка.
Но этот ушлый - важный очень,
и он на мне сосредоточен.
А, может, это А.С. Пушкин?
А, может, Лермонтов М.Ю.?
Он гениальной головой
качает, мнётся и мычит.
Он хочет в жизнь войти мою -
метафорой стиха живой,
войти в битком набитый быт...
Но я ему не отворю.

Июль , 98

Двухстворчатый домик Хореев
раскроет дощатые двери,
и выпорхнет птица колибри,
как стих с перебитым крылом.
В сияющем клюве эпитафия
повиснет над строчкой моей.
И, если всмотреться, то в ней
услышишь, как звук возникает -
как, старческими голосами
друг друга касаясь едва,
нестройно псалмы распевают
и молятся Слову слова.

Нояб., 00

Озвученный неразговор. Суматоха
румяных от крови,
шныряющих слухов.
Но чьё-то молчанье
внутри болтовни
свернулось клубком
и, себя поедая,
сквозь ворох подвохов
угрюмо вздыхает
натруженным брюхом.
И тёмное внутрь уходит. Видны
скорлупки рифмованных.
выпуклых вздохов,
подогнанных плохо
друг к другу внахлёт.
Слова исчезают –
в мерцающей глухо,
чешуйчатой, злой
стороне тишины
змея пожирает
свой собственный хвост.

Март, 01

Сарай-общезитие. Бывший колхозный коровник.
Теперь в нём живут позабытые Богом слова.
Два длинных, худых мужика на растопку дрова,
склонясь над поленницей рифм, выбирают любовно.
И мама-кириллица с выводком букв неумных
по зёрнышку русскую речь собирает в росе
у них под ногами и квохчет: «живём снова...».

В прищепках кавычек на чёрных верёвочных строчках
ритмично цитаты качаются - в полной красе
здесь жизни исподнее на обозрение всем:
бельишко, пелёнки... Костлявая баба бормочет
молитвы на фене и мечется между пелёнок,
цветною слюной на губах пузырится мольба.
Пятно набухает на северо-западе лба,
и в каждом глазу по четыре зрачка воспалённых
вращаются в разные стороны, грозно сияя.

За бабою к лесу цепочкой идут тополя.
Копчёный лосось колосится в осенних полях.
И на паровозах коровы летят над сараем...

На этом кончается наш репортаж о стране забытых метафор. Он был подготовлен Г. Марком как первая часть сериала «О Том, Чего Нет». (Надеюсь, в отделе стихов повивальный редактор его напечатает весь. Это будет подарком не только друзьям-словофилам, но также и мне.)

Май, 01

Три семистрочия о стиховычитаньи -
искусстве вычитания живого
из мёртвых текстов и воспоминаний.
Вычитывать и вычитать себя,
чтоб не навязывать другим ни слова,
но превратить «лирическое я»
в ожившую фигуру умолчанья.

Убрать предлоги, знаки препинанья,
склонения , союзы, падежи,
свисающие набок окончанья,
просодии, рифмованный соблазн
поющих гласных... и потом, в тиши,
услышать шум толпы, её дыханье.
И осознать, что ты, как все, бзглен.

Ожившие фигуры умолчанья
плывут, как миражи в пустыне. Лица,
подкрашенные красною гуашью,
блестят от пота под прозрачной тканью
материи первичной. Словно спицы
мелькают взгляды, расплетая пряжу.
А впереди столп огненный струится.

*Слово «стиховычитание» автор вычитал
в одной из работ М. Эпштейна.

5-6 Нояб., 02

Языком подправляя
согласные, прочно
их слюною скрепить.
Чтоб шершавые грани
обкатались во рту,
создавая звучанье,
чтобы выдохновеньем
наполнилась строчка.

Оправдание жизни -
слова. Сердцевина.
Важно со-гласование,
их расстановка
друг за другом, как цифр
на ценах в витрине.
Нанизать на дыханье:
найти огласовку,

чтобы речитатив,
отделившись от тела,
смог прижизниться,
выплыть в просодии к свету,
чтоб внизу, в глубине
мощным хором запели
миллионы телец
кровяных, и при этом

чтобы гласные лились
цветными ручьями,
деловито шныряли в них
юркие стаи
запятых-головастиков
между камнями...
И плескались младенцы,
словами играя.

Но как только кончается
про-изнесенье
исчезает мираж.
остаются зигзаги
закорючек корявых,
скукоженных теней -
костылей твоей памяти
след на бумаге.

А язык ещё тычется
в нѐбо – звучанье
не выходит наружу.
И ком постепенно
набухает, растёт,
застревает в гортани.
Словно спазм немоты,
этот ужас блаженный.

28 Нояб., 02

Расстелив на крыше тень
тучи войлочной, сечёт
ветер розгами антенн
небо нежное. Со стен
синева, как кровь, течёт.

Строй кирпичных труб притих,
и от страха чёрный газ
валит из стволов пустых.
А напротив хитрый стих
(тот, что пишется сейчас),

весь бессмертный как Кашей,
ум свой вперивши в стекло,
втуне, всеу и вотще
постигает ритм вещей.
В черепной коробке Зло

загорелось. Стих стоит,
опираясь на протез.
И такой у него вид,
словно *он* руководит
экзекуцией небес.

II

Май, 94

Пил водку угрюмо, на небо смотрел...
А вполночь, совсем уже пьяный, с пустыми
зрачками и ртом, побелевшим как мел,
не выдержал - вслух признёс Божье Имя.

Языческий город вокруг него замер.
Застыла на площади тысяча тел.
И воздух, засеянный густо глазами
с прожилками тьмы, как стекло, затвердел.

Лишь ангел Господен рукою могучей
луну поправлял, протирал небеса
лохматою, влажною тряпкою тучи,
и звёзды крошились в его волоса.

Закончив уборку и вытряхнув звёзды,
Он тучу над городом выжал дождём.
И алая нить протянулась сквозь воздух
от горла его к человеку со ртом,

бормочущим Имя...

1987

Загоревшихся капель точки,
как зрачки облепили плоть.
Может, именно этой ночью
мне приснится Господь?

1987

Господи,
шансом последним,
Господи...
Не сбережёшь
и обрушится пустотой,
повторением,
умиранием...
Господи,
дай части Твоей
не погибнуть вдали от Тебя,
возродиться в Тебе,
возвратиться в Тебя.

Мне больно...
Нам больно обоим,
Господи.

14-27 Июля, 92

Лобастый кентавр, человеко-компьютер
с руками, проросшими сквозь терминал,
и клеткой грудной, до предела раздутой,
планирует тщательно свой ритуал
ухода в диаспору и вознесенья
в цилиндрах, летящих сквозь вспышки огня,
служенья церковного на поселеньях,
по небу разбросанных, как семена.

Кончается тысячелетье. Катарсис
религии, строивших здесь, на Земле –
мечта о космическом сверхкорабле,
бессмертии в Божием Царстве на Марсе.

13 Февр., 94

Запутался в мозгу комочек слов:
качет ветер гроздь светочеров,
по комнате, расталкивая шторы,
плывёт луна в платке из облаков.

Строка - сорокобукровка слепая -
перебирая гласными, сползает
с листа к Тебе, за тридцать стихов.

13 Июня, 95, Иерусалим.

Лохмотья крикливых базаров
и запах лимонов прогнивших
разбросаны по тротуарам.
Горячие, плоские крыши,
текущие солнцем и потом,
прорезали лысые горы.
Царица евреев Суббота
вступает в сияющий город.

Всё небо сгибается плавно,
как свод синагоги, и снова
под ним в колыбели из камня
качается Божие слово.

28 Апр., 96

Записанные генами
в телах наших с рождения,
две вечных книги Божии
открыты нам для чтения -
друг в друге отражённые
Вселенная и Библия.
И между них, беспомощно
согнувшись в три погибели ,
стоит мой близкий родственник.
По буквице, по атому
две вечных книги Божии
он сравнивает тщательно.

21 Нояб., 96

Сверкающий стол, как прилавок пустой.
За ним сидит „я“, поджидая бесцельно,
с душою, распластанной перед Тобой-
торговец с товаром из слов самодельных,
обмотанных нервами наспех.

25 Дек., 96

Петербургско-Иерусалимский Меридиан.

|
Медных всадников стаи последних Евгениев травят,
режут небо на ломтики лезвия вздыбленных грив.
Допотопные баржи плывут по Неве величаво,
души рано умерших увозят в белесый залив.

|
Освящённый потерями город, где лезут наружу
люди денег, впусившие идолов в сердце себе,
где моё отраженье хранит ещё каждая лужа,
этот город замёрзший оттиснут на нашей судьбе.

|
...Груды белых домов прилепились у самого края
иудейской пустыни - ступенями вверх, в небосвод.
Палестиновой пылью над кладбищем голым сияют
Золотые Ворота - там в город Мессия войдёт.

|
Из земли каменистой упрямо растут синагоги.
В душных комнатах шепчут слова оживающих книг
ешиботники русские, мозгом уставившись в Бога,
Рядом с местом, где предал три раза Христа
ученик.

|
И от града святого Петра вдоль по меридиану
к граду мира - Иерусалиму, хранителю слов, -
как по телу живому открытою, рваную раной,

чуть пульсирует струйка курчавых еврейских голов.

16 Авг., 96

Кесария. Концерт.

Амфитеатр. Камни, пот, окурки.
Вдоль горизонта движется песок.
Среди камней - поющая фигурка.
И это - самый Ближний Мне Восток.
На связках тормозя голосовых,
выруливали круглые рулады,
и набухая от нескромных взглядов,
кружились роем возле головы.

Заполнила пространство и застыла
покрытая испариною трель.
Темнеет воздух, словно акварель,
в которую добавлены чернила.
Две сотни тел, преодолев усталость,
сквозь трель летели в акварельной мгле.
И женщина поющая казалась
последней остановкой на Земле.

25 Февр., 96

Собор пустил сияющие корни
в распаханные ветром небеса.
Там, набухая звоном колокольным,
плоды над сонным городом висят.
Но некому собрать...

20 Авг., 97

Проснулся под вечер.
Была половина десятого.
Сквозь зыбкое марево
по черепичному морю
плыл купол собора,
похожий на Лысую Гору.

Над куполом крест,
и огромное тело Распятого
сияло во тьме.
И лучи проходили сквозь город.

На каменных стенах
проёмы оконные ожили.
И сердце собора стучало.

Бил колокол глухо.
А в каждом окне
неподвижно стояла старуха,
и слушала небо.

Ведь завтра одной из них, может быть,

зачать суждено от луча.
Он войдёт в её ухо.

Янв., 96

Видел, как ветер натягивал плёнку
на венценосного купола звон.
Видел, как солнечные перепонки
зашевелились меж тонких колонн.
Как выплывали из чёрных парадных
на тротуары потоки голов,
и зажигались цветные гирлянды
на вертикальных пластинах домов.

Видел, как в небе воскуривал ладан
Ангел стихов. Как Он поднял глаза,
и, усмехнувшись, движением взгляда
бантом сияющим дым завязал.
Как Он раскатывал красную тучу,
словно ковёр. Как запел над Землёй...

Тело моё было скрипкою, ждущей
прикосновения пальцев Его.

27 Марта, 97

...вглубь неба летят отовсюду
клочки облаков между звёзд,
Луна в ожидании чуда
набухла бесформенной грудой
и стала похожа на мозг.

Растерянный ангел на крыше,
зажавши ладонями рот,
стоит в лунном свете, как в нише.
Спиною к трубе прислонишись,
он смотрит на небо. и ждёт.

Под ним городское болото,
огней воспалённая нить,
квартирок пчелиные соты...-
там Стих поджидает кого-то,
кто должен его сочинить.

На кухне, набитой телами,
окно, как провал голубой:
диск в небе и ангел над нами...
я паузу между словами
привычной держу болтовнёй-

мы связаны все ожиданьем...

24 Февр., 96

Голливудский Апокалипсис.

„и колёса кругом были полны глаз“
Книга Пр. Иезекииля, гл.10, ст.12.

Я шёл , ссутулившись ,
сквозь незнакомый город.
Со мною рядом под дождём ползла
в ночь похоронная
машина без шофёра.
В колёса были вставлены глаза.

Дымились площади,
как лунные озёра .
Ручьями окна на асфальт текли.
В набухшем воздухе
слезились светофоры.
И выходили люди из земли.

Два Божьих ангела
кружились впереди нас,
мерцая в электрических огнях.
Как зверь прирученный
железная машина
на поворотах терлась об меня.

Вверху, над ливнями
стал слышен понемногу
всё нараставший колокольный звон.
Уткнулась улица
в громаду синагоги,
и появился служка из колонн.

Блестела аура
над круглой головою,
чуть освещая плесень на висках,
зрачки, налитые
водою дождевою,
и волдыри в морщинистых щеках.

Он в храм попятился
и поманил рукою.
Вздыхнул, и ничего не говоря ,
уже проглоченный
чернильной пустотою,
приподнял шляпу и застыл в дверях.

А я , зажмурившись,
шагнул в провал квадратный.
Но оказался на земле - меня
волной воздушною

отбросило обратно...
И в храме загорелись два огня.
Тут он приблизился.
Склонился, усмехаясь,
над тем, кто мною был лишь миг назад,
и что-то выкрикнул.
Машина, как живая,
вся задрожала . Голые глаза

в колёсах впахнули
тяжёлым ртутным блеском,
соединяясь в острые круги.
Змеились трещины
по воздуху, и с треском
небесный свод распался на куски.

1-3 Марта, 99

Выпьешь водки во сне – а наутро изжога.
Нутропламенный весь, неподвижно лежишь,
к сожаленью *в себя*, приходя понемногу.
И шевелится в горле горячая мышь.

Видно, даром теперь ничего не проходит.
Осторожно пальпируя горло рукой,
ты бормочешь: «Ментальный исход на подходе...
и не двигаться...только тепло и покой...»

Наполняется комната пылью и блеском,
и в тепло превращается слово «тепло» -
это солнечный луч, расщепив занавеску,
воскресательным знаком пометил твой лоб.

Сна осколок в мозгу догорел незаметно.
Значит надо вставать, раз отсрочка дана,
уходить в повторенье вчерашнего дня –
жить, как будто *с тобой* происходит всё это.

99

S

Муляжи. Электрический свет. Имена
на разделанных тушах предметов. Заранее,
словно бирки, развешенные для меня.
Перепутал нарочно их кто-то. Похоже,
до рожденья ещё. Супермаркет названий.
Продавцы-манекены с блестящею кожей...
И чего я мечусь между полками? Просто бы
подождать, пока буду застигнут врасполох...

Почему Ты не хочешь ответить мне, Господи?...
Или я безнадежно на душу оглох?

Авг.,

00

Итак, итог –
не подводить итоги.
Но продолжать
обрывки фраз плести.
И вслушиваться в них.
До глухоты.
До вспышки смысла.
Чтоб потом, в дороге
свести концы с концами.
Завязать их,
как узел брачный.
И - не продохнуть.
Да мозг упрямый
норовит взбрыкнуть
и выскочить
из сбруи обязательств.

Так запрягай,
поедем по стихи.
В открытый храм,
где правят литургию
иголкой каждой
сосны голубые –
замаливают
все твои грехи.
Войди в молитву,
и дремучий лес
в шуршание
великих крон поднимет.
Раскинув руки,
повторяй за ними:
Я часть его.
И я уже воскрес.

В меня - насквозь –
струится ливень звёздный.
И грязь, налипшую
за долгие года,
смывает он.
До Страшного Суда

ещё есть время.
Ничего не поздно.

20 Сент.,

02

Ползут муравьи
по Господней ладони
вдоль линии жизни.
Вращают глазами.
И медленно дышат
отвесные склоны
живого ущелья,
над их головами.

III

Авг., 94

Ничего не забыв, сам себя пережив,
в Петербург я вернусь совершенно седой,
загорелый, похожий на свой негатив.
Полукружье моста глубоко под водой
изогнётся, двойную дугу очертив,

словно люлька для тени бездомной моей.
И я снова внутри. Отраженья со дна
поднимаются вверх... Я продрог до костей.
Белой ночью плывёт по зелёным волнам
пароходик, обвешанный визгом детей.

Уплывают дворцы сквозь слоистую муть.
Лишь Исакия купол блестит вдалеке,
как облитая золотом женская грудь
с почерневшим крестом на разбухшем соске.
И плывут отраженья в последний свой путь...

Вереницей светящихся каменных плит
в ночь еврейское кладбище тихо плывёт...
Там в земле заболоченной мама лежит.
Уплывает под арку моста пароход,
и, склонившись за борт, кто-то плачет навзрыд.

Это я, превратившийся в свой негатив,
на экскурсию с классом полжизни назад,
сам себя пережив, уплываю в залив.
И на дно опускается мой Ленинград.

Авг., 93

Петербургские Стихи

В. Гандельсману

1. Дождём отполированный
графин пузатый купола
сквозь синий воздух светится
в футляре золотом.
Струится свет с Исакия,
полощется и хлюпает
внутри вино закатное
под пробкою с крестом.

Посапывая, греется
собора туша сонная,
вдыхает слизь болотную,
вся, как орган, гудит.
И хороводом медленным
колонны многотонные
плывут вокруг Исакия
в гранитных бигуди.

Качаясь в люльке месяца,
храм Божий отражается
над Петербургом нищенским
в зеркальных облаках.
Из купола прозрачного
по небу растекается
бессмысленную роскошью
багровая река.

2. В Двенадцати Коллегиях
чиновники бесполое
на низких подоконниках,
как статуи, стоят.
Совиные, тяжёлые,
прилизанные головы
блещут очками толстыми,
уставившись в закат.

Широкой ртутной лентою
лежит Нева Викентьевна.
Скользят по ней торжественно
в мазуте голубом
корыта баржей угольных.
И расцветают медленно
трезубые светильники
над Троицким мостом.

Прочерчена линейкою
над бывшею столицою
игла Адмиралтейская
И контур седока,
летающего по площади
с простёртою десницею,
печатью Фальконетовой
оттиснут в облаках.

3. Согнув рога смиренные,
автобусы стеклянные
петляют неприкаянно
по чёрной мостовой.
Как гроздь перезрелые,
висят из окон пьяные,
на тонких шеях лица их
горланят вразнобой.

На улицах обшарпанных
торгуют дрянью разною
шеренги баб раскрашенных,
настырных мужиков.
Перебирая лапами,
в пасть магазина грязную
сороконожка - очередь
ползёт между домов.

В одном из зданий каменных
„Я-Сам“ сидит, набычившись,
и Стансы Петербургские
над рюмкою пустой
бубнит, как заклинания,
не очень-то лирический
стихотворенья этого
не слишком-то герой.

1986

Закон

На колёсах из серого камня
колосс неподвижный несётся
с кулаками, приросшими к телу,
в сверкающем облаке пыли.

Сквозь прямоугольные плечи
бесшумно и неотвратно
растёт голова его в небо
и солнце собой заслоняет.

Разрез ассирийского ока
отрезан от мира живущих
густой бородой, как кольчугой
из туч симметрично завитых.

Внизу, под колёсами, люди.
Но лик истукана не дрогнет.
В лице глинобитном лишь ярость,
ленивая ярость погони.

И трупы раздавленных всюду...

1987

Летит к Ленинграду во тьме электричка.
Охрипший старик-инвалид с костылём
в разбитом вагоне поёт истерично
старинную песню о графе Толстом.

Жестокий романс, раздирающий бронхи,
вагон заполняет мольбою живой:
«Подайте, братишки! Подайте, сестрénки!
Подайте... я сын незаконный его...»

Звенят ордена, оловянная кружка.
Застыл инвалид у вагонной двери.
Плывут над его головой равнодушно

на чёрных столбах фонарей волдыри.

А дождик штрихует дома в Ленинграде,
чугунных решёток арабскую вязь
в косую линейку ... как в детской тетради –
чернильные кляксы, невнятица фраз...

1985

Одинн...
Одинн...
Раскалённый,
Натянутый
Провод.
Путеводная
Тонн-кая
Нить...
Одинн...
Одинн..
Качался
От каждого
Резкого
Слова...
Одинн...
По лицам,
Со свистом,
Всем телом
Одинн...
Одинн..
Врезаясь
В белые
Липкие
Пятна,
Сжимался,
Вытя-
Гиваясь,
Сжимался
В одинн...
Единн-
Ственный
Звук:
Одинн...
Одинн..
Со звоном
Стекают
Лица.
Одинн...

**Один...
В этом
Твёрдом
Воздухе
Провод.**

1987

От ветра дрожали витрины тревожно.
Подъезды в домах раздувались гармошкой.
Проплыл вдоль по рельсам трамвай, как застёжка
на молнии, и расстегнул осторожно

асфальт на Земле. Оглушительно тихо
вдруг стало кругом. И тогда я услышал,
как каждой отдельной травинкою дышит
Земля. И зелёная неразбериха

полезла наружу, асфальт распирая.
В ней тонут витрины, подъезды, трамваи.
Струится по улицам масса живая –
весь город зелёный потоп заливает.

1987

Невская эстафета.

Имперский кентавр на зернистой скале,
ощерив усы, над Невой летит.
Помёт голубиный на медном челе
стекает, как белые слёзы, в гранит.
Указ-эстафету - России судьбу
Кентавр-император зажал в кулаке.
И руку навстречу ему протянул
плюгавый диктатор на броневике.

1988

Памяти Великой Коммуналки.

К восьми возникает Эльвира
с ангиною нежною в горле.
В прожжённом китайском халате,
за столиком возле окошка
шинкует мороженный воздух,
заутреню молча справляя
над жёлтой латунною миской.
И крошится ретушь морщинок,
как чёрная перхоть, на плечи.

Плита, как квадратная клумба:
четыре цветка ядовитых,
четыре шипящих конфорки
горят фиолетовым светом.
Изогнутый столб позвоночный
мучительным знаком вопроса
висит над начищенным полом,
и пальцев костлявых фаланги
гигантскими тенями бьются
по синим прокуренным стенам.

А заспанные гегемоны-
соседи по жизни и кухне -
бредут, словно зэки, цепочкой,
следы на полу оставляя.

Мне долго следы эти снились...

—

1989

Третий день поутру
привкус пепла во рту,
и всё снится, как встречу
я снова с отцом.
А потом просыпаюсь
в холодном поту
и ловлю пустоту
запрокинутым ртом.

В ленинградский ОВИР,

как на круги своя,
в кабинеты людей,
умножающих зло,
возвращаемся снова –
отец мой и я,
возвращаемся мы,
видно, время пришло.

Время ждать разрешенья
и время молчать,
и почувствовать вдруг,
как сужается мир.
Время медленно жить,
возвращаться опять,
как на круги своя,
в ленинградский ОВИР.

Повторять свою жизнь
мы, согнувшись, войдём
в дом, где тайных инструкций
сухая возня.
Секретарша с небрежно
накрашенным ртом
полоснёт плоскозубой
усмешкой меня.

И в святая святых
нас пропустят вдвоём.
За огромным столом
человек без лица.
И спрошу себя снова
я в сердце своём:
«Для чего они мучат
больного отца?»

23 Дек., 89

Принарядились зданьца.
Все кружева расправили.
В зелёно-белых платъицах
плывут сквозь облака.
Гирляндой окна тянутся,
в них, словно мёд расплавленный,
по чёрным стёклам катится
Рождественский закат.

Плывут в закатном пламени
дворцы одноэтажные,

янтарным ожерелием,
качаясь над Невой,
колонны в буклях каменных
блестят алмазной сажею -
дряхлающие фрейлины
справляют Рождество.

1989

Газетой измятой
по спинам покорных
людей, проплывающих в гейзерах пара,
кусочками неба,
клочками бумаги,
кричащим овалом лица на витрине,
голодную стаей
машин пучеглазых –
в кружение туго закрученных улиц,
в могучую плавность
потоков асфальта.
В движенье вещей, не имеющих цели.

1990

Вернусь иностранцем к себе в коммуналку.
Всё то же кирпичное, чёрное мясо
лоснится в обглоданных временах балках,
и лампочка светит в углу безучастно.

И где-то у вешалки, в грязной прихожей,
вверху, в отороченных пылью обоях,
свисающих заживо содранной кожей,
я в треснувшем зеркале встречу с собою.

1990

Над Невою туман красноватый.
Сиротливо трамваи поют.
И гарцует упырь-император,
в упоении топчет змею.

Прорезь в небе заполнена тонкой,
жёлтой Адмиралтейской иглой.
К ней приколото красное солнце,
как пылающий флаг боевой.

Всё плотнее туман набухает
тёплой кровью, пугающим сном.
И почти на глазах зарастает
из России в Европу окно.

1991

В колодце двора снуют люди, как мыши.
Машины урчат в гараже за углом.
У дома напротив вдруг выгнулась крыша
сиамскою кошкою перед прыжком.

Сквозь ночь ощетинившись шерстью антенной,
обрубленный хвост распрямила трубой,
шипит чердаками, косится на стены,
дрожит, изгибается чёрной дугой.

А люди продукты к себе в норы тащат,
с кульками в руках деловито снуют.
Сиамская кошка со стиснутой пастью
вверху поджидает добычу свою.

Янв., 92

Сквозь сон, как в замочную скважину,
увидю свои предыдущие жизни
В последний момент себя вытащу заживо,
и струйкою слов рот раздавленный брызнет.

Старуха, давно уже впавшая в детство,
лепечет молитвы и просит упрямо
знаменья. Пятнистые, дряблые руки
лежат неподвижно на выцветшей юбке.

В углу телевизор. Лицо Президента
висит в ожерельи из боеголовок,
и губы брезгливые вьются в экране,
как в сети попавшие жирные рыбы.

Огромная Кошка в продавленном кресле,
зевая, следит за губами Генсека
и истово крестится пухлою лапой,
как будто пытаюсь прогнать наважденье.

Щелчок. В телевизоре хрустнуло что-то:
экран покрывается синевой слизью,
и в длинную комнату прямо сквозь стену
вплывает кудрявое облако света.

С жужжанием движется роем пылинок
над креслом, над остолбеневшей Кошкой,
на миг застывает и плавно садится
в сухие, лиловые букли Старухи.

Трясётся посуда в шкафу истерично.
Над облаком, вспыхнув, взрывается люстра:
сквозь рой до бела раскалённых пылинок
отчётливо из темноты проступают

огромная Кошка с обугленной шерстью,
комод с кружевами истлевших салфеток,
моя фотография в сломанной рамке,
и в самом низу, на блестящем паркете -

Старуха с блаженною детской улыбкой.

22-24 Мая, 92

Мой дряхлеющий город
засыпало синей золою.
Это небо крошится
на спины идущих с работы.
Камертоны решёток
протяжно поют над землёю,
и Балтийская слизь
набухает в груди, как мокрота.

В цилиндрических трубах
сырых, под жилыми домами,
словно ампулы мётрвого
белого света, проворно
пробегают вагоны,
набитые туго телами,
и со свистом во тьму
исчезают пустые платформы.

Эскалаторы потную массу
выносят наружу.
Ошалевшие люди
выходят на чёрную площадь,
расползаются в улицы,
лезут с терпеньем верблюжьим
вверх по скользким ступеням,
находят квартиры наощупь.

Открывают клеёнкой
обитые двери. Зевают,
опускаются грузно
в колючие рёбра диванов.
И, остатки вчерашней еды
торопливо глотая,
застывают, уставившись
в ящички с мутным экраном.

Янв., 93

Над каналом храм языческий
весь в пупырышках дождя.
Спит в сиянии электрическом
чёрно-жёлтая вода.

Тряпкой, пёстрою, кровавою,
обмотав кресты свои,
над водою жёлтой плавает
церковь Спаса-на-Крови.

Купола висят в прострации,
чуть качаясь на ветру.
Льётся с неба радиация
сквозь озонную дыру.

Кто-то спит на грязных ящиках,
кто-то кается в грехах.
И проходит в мокром плащике
автор этого стиха.

Март, 93

В Больнице

Я лежал на спине, липло к телу бельё,
Провода и присоски качались в тумане.
И мерцающей нитью в белесом экране
извивалось и прыгало сердце моё.

Сквозь прозрачную трубку по жёлтой руке,
через воткнутый в вену кусочек металла,
жизнь по капле холодным раствором втекала,
отдаваясь глухими толчками в виске.

Обалдев от лекарств, я лежал, словно труп.
И болезней бесформенных хищная стая
у постели стояла всю ночь, поджидая

пока я не усну. Но ушла поутру.

25 Марта, 93

Жили в сумерках вечных.
Почти что вслепую, наощупь.
Натыкались руками
на твёрдые, острые вещи.
Днём, когда очертанья
вещей проступали чуть резче,
из домов выходили
на поиски пищи. А ночью
собирались все вместе.
Часами на кухне убогой,
взявшись за руки, пели
во тьму иступлённо и строго:
„Снизойди на нас светом...
приди, освети нам дорогу...“

И казалось, что тьма
расступалась над ними немного.

Май, 93

Стих о том, как моего друга вели ночью через двор на допрос в 1970г.

Набухшею чёрною щепкой
плывёт по теченью смиренно
его голова в мятой кепке
среди твёрдых фуражек военных.

С небритым лицом, неподвижным,
идёт он, качаясь от ветра .
Серебрянный лунный булыжник
мерцает богатством несметным.

В седой голове семь отверстий,
раскрыты во тьму до предела.
И приторным запахом смерти
пропитано щуплое тело.

Ў

8-11 Сент., 93

Постучался. Открыла соседка.
Кто-то в майке сидел за столом.
Запах тления, сладкий и едкий,
плыл из спальни. И было тепло.
На скамеечке кошка скулила,
вытирая со всхлипом глаза.
В толстом слое велюровой пыли
золотились над ней образа,

И на ржавых петлях скрежетала
в ключьях рваного войлока дверь.
А соседка ко мне приближалась.
Я отчётливо видел теперь,
как под платьем хлопчатобумажным
её груди росли изнутри,
словно сдобные булки, и в каждой
килограмма не меньше, чем три.

Тело вверх поднималось, как тесто,
распирало одежду на ней,
всем причинным и следственным местом
прижимаясь ко мне всё тесней.
Кто-то в майке с остатками пищи
на губах повернулся спиной,
и блеснул за его голенищем
финский нож с рукояткой стальной.

Кошка выгнулась, глазом зелёным
подмигнула и стала опять
лицемерно скулить под иконой
и со всхлипом глаза вытирать.
Запах тления сладкой волною
с головою меня окатил.
Тут я крикнул всей клеткой грудною
из последних оставшихся сил.

И проснулся...

6 Дек., 93

В тот час, когда в загаженных парадных
жильцы крадутся в полной темноте,
а над Невой, на страшной высоте
имперскою химерой Медный Всадник,
хрипя и улыбаясь плотоядно,
летит с кровавым знаменем в руке,

и уплывают в вечность по реке,
как чёрные гробы, между дворцами
пустые баржи, сажаю мерцаю...

В тот час и я уйду из этой Яви.

Март, 94

Стада машин измученных
ревут в загоне площади,
уткнувшись в небо чёрное
клыками жёлтых фар.
Дрожат их скулы потные,
на коже свет полощется,
растёт, виляя в воздухе,
хвостов пушистых пар.

Ночь. Контур Петропавловки
из горизонта выпилен.
Он брюхо тучи нежное
царапает иглой.
Бездомные животные
во тьму сияют никелем...
И Всадник - как империи
осколок над скалой.

Март, 94

Между Николаем и Петром
сквозь асфальт, нагретый добела,
рос Исакий за моим горбом,
и стояли в небе по углам
два лиловых солнца, окоём
выжигая медленно дотла.
И текла в сиянии двойном
вверх Адмиралтейская игла,
небеса разрезав пополам
жёлтым металлическим ручьём.

Завернувшись в солнечную пыль,
трепетала туча в белизне
бабочкой, наколотой на шпиль.
Изогнулся Медный на коне
и, проткнув сиянье парой крыл,
двинулся по воздуху ко мне.
Вспыхивал копытами, скользил,
и огонь струился по спине.
Вот тогда над солнцами, в огне
Петербург небесный проступил.

Авг., 94

На чёрном небе вырезан квадрат,
зелёная луна внутри горит.
Под нею марширует взвод солдат,
стекает пот с раздвоенных копыт.

Шар облака на ниточке трубы
качается над сеткой проводов.
Они идут. Опутаны их лбы
настырною мелодией без слов.

Прицелясь в ночь двустволками ноздрей,
содатики выпячивают грудь.
Стальные свечи жёлтых фонарей,
как факелы, им освещают путь.

Процессия грохочет в темноту.
Копыто за копытом, строй копыт.
Я у окна всю ночь - я на посту.
Глаз мозга моего чуть приоткрыт.

7 Окт., 94

Романс.

Выйди в ночь и иди на окраину,
в твой прокуренный дом, где, как встарь,
у подъезда торчит неприкаянно,
от дождей пожелтевший фонарь.

Вот он, - верный твой шанс на спасение -
этот город, фонарь, миражи...
Помолись и слова очищения
в своём сердце смиренно сложи.

Ранку воздуха, йодом прижжённую,
взглядом бережно пе-ре-бинтуй.
И белесую плоть воспалённую
всей коростою губ поцелуй.

Исцеление будет даровано:
всею кожей почувствуешь вдруг,
жизнь твоя в этот город вмурована,

в Ленинград-Петроград-Петербург.

Нояб., 94

Каждый день дождевая завеса густая
опускается в семь. Ледяная вода
мой пластмассовый дом в темноте оmyвает.
Городских инструментов голодная стая
под окном начинает скулить. И тогда

зажигается в центре Вселенной звезда,
и антенны на крыше послушно вступают,
словно скрипки, в осеннем оркестре дождя.
Из воды прорастают звоночки трамваев,
ветер трогает голым смычком провода...

И поющая лилия прямо над домом
распускает сквозь дождь лепестки облаков.

1 - 15 Янв., 95

... И лифт меня уносит в небосвод.
Вдогонку ветер жалуется, стонет.
Пенал прозрачный в облака плывёт,
весь Петербург внизу- как на ладони.

Прострочены сквозь бархат площадей
троллейбусов стеклярусные нити,
дрожащим веществом толпы людей
распластанные улицы залиты.

С броневика орёт беззвучно вождь,
снут одутловатые машины,
и морозящий, серебристый дождь
сmyвает лица с окон магазинов.

Плывёт припетербурженный ямбок,
синхронизуя все движенья с ритмом
тяжёлой крови, бьющейся в висок,
и бормотаньем праздничной молитвы.

Прозрачный лифт взлетает в небосвод
сквозь облаков разорванные клочья...
В нём, выйдя из телесной оболочки,
моя душа над городом плывёт.

~~1985~~

Абь

Ленинград. 18 мая 1970.

18 Мая, 95

Колонны дворцов изогнулись
и стали похожими сразу
на рёбра огромных рептилий.
Сквозь мясо пригревшихся улиц
ростками живых метастазов
трамвайные рельсы змеились...

Заштопывал рваные тучи
сияющими проводами
над крышами ветер со свистом.
Рептилии улиц тягучих
под солнцем свивались клубками
и кожей дрожали пятнистой...

Толпа ожидала покорно
в приёмной тюрьмы на Шпалерной,
как очередь в кассу вокзала...
И чудище обло, озорно,
и лай к тому же стозевно,
живьём человечков глотало.

5 Дек., 95

На кухне шла дуэль на сковородках.
Сражались молча. В адской темноте
звенел металл, мелькали папильютки,
огонь конфорок бился между тел.
А за стеной соседи пили водку,
и мыслящий камыш вовсю шумел.

По коридору шастали старухи,
расталкивали потных мужиков.
И матерок, пропахший русским духом
рыгалий праздничных, осипших голосов,
перетекал ко мне в воронку уха
настырною мелодией без слов.

Сжималось время с жуткой быстротою
меж рюмкою и кухонным ножом.
Наполненные вещной теплотою,
брели по дому запахи гуськом,
родной кораблик плавал на обоях,
сирены голосили за окном...

В других домах, в таких же вот квартирах
ютились те же люди- мы росли
все вместе в тесной коммуналке мира.
И Квартуполномоченный Земли,
усатый человек в простом мундире
распределял дежурства и рубли.

А́

Март - Апр., 96

...А где-то под утро сквозь мягкость рассвета
в небесном пергаменте, изжелта-синем
иглою солнца царапает ветер
чертёж моей жизни над Финским заливом.
Дни - словно штрихи, и пунктир рваных линий
теряется в туче. Конец перспективы.

Потом голоса прорастают везде,
сплетаясь в гортанно-бормочущий свод.
И тело плывёт сквозь рассветную слизь.
Так мост, отражаясь в небесной воде,
в дрожащие клещи берёт пароход...
Ещё один день по течению вниз.

Ещё в один день по великой реке...
Прикрыв воспалёнными веками небо,
с разинутым ртом и с повесткой в руке
в сиянье плыву , затаивши дыханье.
Настойчивый звук прорастает, как стебель
среди голосов. Это крыльев шуршанье

над клеткой грудной. И становится страшно.
Я чувствую каждой частицею кожи:
кружится душа , как прозрачная птица,
над телом моим, ещё мною не ставшим.
Но клетка открыта, и птица, быть может,
хотя на мгновение, но возвратится.

15

Апр., 96

Обмылками солнца - такси.
Имперский разлив площадей.
Копыта , мундиры , усы ,
летающая бронза плащей.
Взмывает с насиженных мест
голубок урчащих толпа.
Из купола, выдернув крест,
поставил его на попа
над тучею ветер морской.

Промоины окон горят
расплавленной в камне слюдой:
фильм жизни запущен назад.
И где-то уже вдалеке
железные крыши домов
всплывают в небесной реке,
как крышки забитых гробов
над башнею этих стихов.

5-6 Мая, 96

Глазницы размытые окон
от едкого дыма гноятся.
На дне их блестят воспалённо
набухшие лампочки-слёзы.
Чиновников чёрных потоки
из каменных зданий струятся,
как будто из жил отворённых,
тяжёлою кровью венозной.

Торчат фонари, словно гвозди,
забитые в толщу асфальта.
В клубах ядовитого пара
расплавился мой позвоночник:
текут, истончаются кости,
и капают жёлтые пальцы
с шипением сквозь тротуары,
в родную болотную почву.

Над крышею туча свернулась
огромной, сияющей плетью.
И город, хрипящий дворами,
тасует фигурки прохожих
в белесых расщелинах улиц.
Но я успеваю заметить,
как слово „озноб“ пузырьками
всплывает под плёнкою кожи.

17 Июля, 96

Грибное место жёлтых фонарей.
Плывут, как щепки по реке, погоны.
И свет в кристалле будки телефонной
дробится миллионом плоскостей.

Чужое время, взятое взаймы,
течёт дождём, и двойничок мой пьяный
пиликает мотив из Дон-Жуана
опять всю ночь у городской тюрьмы.

Танцует в луже старый идиот,
размахивая своей тенью синей.

Сверкают брызги веером павлиньим,
и воздух жизни из ноздрей идёт.

Грозит толпе. Глотает чёрный дым,
И скрипку душит пятернёй громадной.
А в небесах летящий Медный Всадник
десницей раздвигает дождь над НИМ.

12 Окт., 96

СВЕРХУ

Весь город, как текст, как посланье,
где в набранных густо подряд
кварталах - параграфах зданий -
вкрапленья античных цитат.

... но фраза из камня одна,
пытаясь в слова воплотиться,
блуждает в мозгу у меня
как сон, не нашедший сновидца.

19-20 Окт., 96

Возле Большого Дома.

В трамваях все те же старухи с детьми
сидят неподвижно, скрежещут колёса
в Летейском проспекте напротив тюрьмы,
где столько часов я провёл на допросах.

И каждую ночь, ухмыляясь, плывёт
в венце из размокших трамвайных билетов
по чёрной Неве отраженье моё...
За ним караваны вождей на портретах
на волнах качаясь, плывут под мостами
в белесый залив, где кончается память.

18 Июля,

96

Чёрный столбик стихов
в безвоздушном пространстве бумаги.

Прислонившись к столбу,
стоит лысый, слепой человек.

На пергаментной коже,
покрытой испариной влаги,
дышит клинопись острых
морщин. Глубоко из-под век,
в белизне студенистой,
блестят воронёные трубы
двух зрачков, из которых

мольбою течёт его плоть.
Если близко совсем подойти,
то услышишь, как губы
повторяют слова:
«Помоги. милосердный Господь...
Помоги мне сказать... Помоги...»

27 Янв., 97
Памяти И. Б.

Через год

Размытых лиц живые ручейки
стекают в плечи сквозь воронки шей
Мне стало трудно различать людей -
как будто запотевшие очки
к глазницам прилипают всё плотней.

Вернусь в себя. Что там ни говори,
снаружи мир чужой. Глаза закрою,
и к горлу вновь всплывут со дна души
молитвы самодельные мои...
А как ещё мне говорить с тобою?

Ведь все стихи - одно письмо в конверте
без адреса... и некому читать...

Я часто думаю теперь, как после смерти
мы с ним должны бы встретиться опять.

14 Авг., 97

Ночью трубы вздуваются
на мостовых под дождём -
варикозные вены
Живущего в Толще Болот.
Его тело растёт
в темноте всё быстрее с каждым днём.
Приближается время:
он встанет и город стряхнёт.
встанет и город стряхнёт.

15 Мая, 01

В зале маленьком душно.
Всю ночь напролёт
по экрану плывут
мимолётные кадры:
на подушке воздушной
летит пароход
через Лету-Неву
мимо Летнего сада.

Лопотанье мотора
и жалобы-всплески,
словно лепет молитвы.
Летит над Невой
пароходик-заморыш,
облепленный блеском –
лепоты позабытой
осколок живой.

26-28 Янв., 99

Через Три Года

Всего три года, но с твоим лицом
во сне всё реже встретишься опять.
Похоже, ты решил, в конце концов,
лишиться черт, чтобы собою стать.

Я вижу: весь засыпанный крупой
из русских букв ты медленно плывёшь,
как облако, над чёрной мостовой.
Огни зажглись, накрапывает дождь,
блестят мешки из пластика кругом,
как волдыри. натёртые толпой.
И манекены смотрят из витрин,
как уползают в темноту гуськом

сковозь дождь улитки жирные машин.

Но гул растёт невнятных фраз твоих
из облака, в котором плоти нет,
а есть лишь голос, говорящий стих.
И, кажется: не три, а триста лет...

Авг., 00

Потом, когда станешь другим человеком,
прожив в Новом Свете лет двадцать подряд,
и вечером в Гарвардской библиотеке
откроешь английский журнал наугад,
наткнёшься на выцветший лист со стихами,
заложенный внутрь, и пойдёшь напрямик,
по строчкам громоздко ступая глазами,
на первую родину - в русский язык.

*...и букв прописных непрерывная плавность,
их ровный наклон, их поющая вязь,
их вкрадчивый смысл, вплетённый неявно
в посланье из Старого Света, как связь -
нить детского страха: забытый ребёнок
сидит на мешке между спящих мужчин,
глаза рукавом протирает спросонок,
родные уехали, я здесь один,
спешат незнакомые люди к платформам,
у них есть билеты, их ждут поезда,
под крышей стеклянной взбухают плафоны,
и медленно к горлу ползёт тошнота,
остались мешки и в кармане записка,
в ней почерк наклонный вдоль строчек плывёт
и буквы, друг к другу прижатые близко:
фамилия, адрес и имя моё.*

И библиотека - как зал ожидания,
где фразы чужие взрослеют, растут
в посмертную жизнь на бумаге - слиянье
того света с этим, в одну темноту.

IV

Окт., 92

Я увидишь себя на мгновенье
на поющей постели в отеле,
просыпаясь вдвоём в нашем теле
двуединственным переплетеньем.

Это Тыя проснулась и ожил.
И, глаза ещё не открывая,
уже чувствуешь, как прорастает
синий лес наших нервов сквозь кожу.

31 Окт., 92

В горизонтальный праздник на двоих
Ятыею-Мнобою, ставшим нами,
грамматикою, жизнями, телами
сплетаясь, прорастая словно стих,
впустив-войдём друг в друга постепенно -
в горизонтальный праздник мнетебенам.

30 Дек., 93

Всё тело моё – колыбель.
Младенцем беспомощным в ней
качается мысль о тебе
и чмокает тихо во сне.

Июнь, 94

Обманный ящик истекал звучаньем.
Глотая суп из доремифасоли,
мы опускались в вязкое молчанье.
Гибрид мичуринский из будущего с прошлым -

неразговор наш - разрастался болью.
Стеклянный плод налился светом рыжим
ненужном зеркале и высветил дотошно
два тела, парус простыни и столик...

Кровать плыла, как лодка, над Парижем.

7 Сент., 96

Проснусь в слезах на сизой простыне,
пытаясь вспомнить: кто я, для чего
валяюсь здесь, в бревенчатой стране
с осколком сна, застрявшим в голове,
так далеко от дома своего.

Потом, на резкость слёзы наведя,
овал лица увижу в синеве.
И, словно леской, вытащу за взгляд
на Божий свет. И потяну к себе,
на дно зрачков ныряя наугад.

7 Янв., 97

Разговор по телефону.

Слова мои пригнаны,
как кирпичи,
скреплённые намертво
собственным весом.
Уже отделившись от тела, кричит
чужой человек
за стеною отвесной.

Но даже и в звуке
таится опасность:
завьётся верёвочкой
голос на шее,
с душой, перекошенной набок, напрасно
начнёшь вспоминать -
будет только труднее.

И что бы тебе
ни твердили, ты знаешь,
как боль прорастает
из боли мгновенно:
ведь в ней, истекающей криком, взбухает

сейчас чья-то жизнь
совершенно чужая.
Обрежь этот голос.
И строй свою стену.

8 Янв., 97

Книгу раскроешь -
и буквы сыпаются к сгибу,
как тараканы,
от яркого света бегут.
В белых страницах
два тела сплетаются в жгут.
Если всмотреться -
становятся волосы дыбом.

Проще захлопнуть
и выкинуть книгу к чертям...
видно истёрлось
до дыр то, чем чувствую я.

28 Янв., 97

Весь день ушёл на дребедень.
Стоим с тобою у крыльца,
и даже шевельнуться лень.
Ты вытираешь взгляд с лица.

Я ограждён в твоих зрачках
завесой чёрной из ресниц.
На вдетых в солнце проводах
набухли ноты певчих птиц.

И, как скрипичный ржавый ключ,
над домом изогнулся дым,
ввинтился в небо между туч
названьем звуков - нам двоим.

Прочешь мелодию, потом
с листа сыграть её в груди,
взять за руку тебя и в дом,
закинув голову, войти.

7 Марта, 98

Урок арифметики.

Дробью правильной - „ты“, поделённой на „нас“, -
единицей почти, но какой-то ущербной,
обозначены мы друг для друга неверно

в уравнении, неразрешимом сейчас.

За тебя проверяю ответы свои
и пытаюсь на „нас“ ставить крестиком „икс“,
но всегда попадаю не в глаз и не в бровь,
а куда-то пониже, где нет нас двоих,
неизвестное „нас“, заменяя на „них“.
~~ЖЕЛТЫЕ ПЛОТНОСТИ~~
И решения нет. Вместо целого дробь.

8 Мая, 97

Дрожащий лес - эпиграфом к любви.
Мох пересыпан муравьиным крошевом.
Татуировка сучьев, блеск травы.
В плероме лиственной - личинки прошлого.

Флотилии поющих комаров.
Виденье самолёта шестикрылого.
Вполнеба белый, воспалённый шов...
Так долго длилось. И не знаю, было ли?

23-24 Июля, 99

Сентиментальный Киносценарий

Вид города с неба. Кусок панорамы,
похожий на стол, весь заваленный хламом.

Глаз камеры движется книзу. В зелёной,
распахнутой настез тетради газона
скамья – словно равенства знак между нами,
сидящими врозь с приоткрытыми ртами,
но соединёнными длинной дугою
из жалоб твоих. С двух сторон над скамьёю
на радугу жалоб нанизаны лица.
Зрачок, отражаясь в зрачке, чуть двоится.

Мы плавно сближаемся. Шар чёрно-белый
на месте голов возникает: два тела,
в одно превращаясь, взмывают над парком.
Секунду висят и взрываются ярко.
Осколками слов разлетаются фразы,
и наши тела в зелень падают сразу.
Толпа собирается. Люди в костюмах
стоят полукругом и смотрят угрюмо.

Как горн, в тишине наступившей тягуче
мычит на корову похожая туча.
И, пятясь вперёд, мы из кадра выходим.

Мутнеет глаз камеры. Слез половодье
картинку с тетради газона смывает.
В экране полощется масса живая.
В ней наша скамейка всплывает упрямо –
знак равенства между пустыми местами.

20 Авг., 99

Если хочешь сама убедиться,
что, расставшись, мы не расставались,
положи указательный палец
на кружок посередине страницы.

Прижимай его крепче, покамест
не почувствуешь тёплую влагу:
это палец твой я - из бумаги -
осторожно целую стихами.

10 Окт., 99

Перевод.

Весь длинный текст
твоих прикосновений
по памяти
на русский перевёл.
Набралось
на одно стихотворенье.
Но и его
я должен спрятать в стол.
В нём слишком много нас.
По крайней мере,
в нём слишком много,
ставшего тобой.
Чем больше страсти,
тем трудней поверить:
за тело
отвечаю головой.

Слова прожиты
полностью, дотла.
Мне кажется,
вокруг дымится шерсть,
душой палёной
тянет из стола:
конец стиха,

как маленькая смерть.

5 Июня, 00

На плечо положив подбородок, чтоб четче
твоя дрожь у меня отдавалась в висках,
выхожу на любовную связь, и в руках
просыпается память. Касанья наощупь
набираю – проверенный код от замка
на двери в моё счастье. А рядом полощет
море белой спины красных два островка
из родимейших пятен. Глаза закрываю.
И в тебе, словно в лодке живой, уплываю.

18 Апр., 03

Прикоснулся рукою - и робко прижалась
сердца линия в тёплой ладони твоей
к моей линии жизни. Прильнула плотней,
стала влажной, горячею, затрепетала,
нежно охая, ахая, ойкая - звуки
распустились в касаньях. Их лепет живой
заплетается, сделать нельзя ничего.
Это нить жизни-сердца связала нам руки.

Когда кончишь читать этот стих,

очень чёрный возьми карандаш

и закрась, чернотой замажь

круг, где Я затаился, притих,

приготовься к прыжку в небосвод:

амулет, отгоняющий сглаз

и соблазн зарифмованных фраз...

Чтобы стал он похожим на вход,

замурованный наглухо вход

в забумажье чудес, где нет нас.

Приколи этот листик к стене

и смотри на него каждый раз

как начнёшь вспоминать обо мне.

V

1987

Тресковый мыс.

Тресковый Мыс. Стеклянная вода.
Выходят сны из домиков на берег.
Измученные, каменные лодки,
угрюмо жмурясь, греются в песке.
Шуршат листвою блёклые деревья.

И женщины, облепленные снами,
идут неслышно в тёплой белизне,
стригут туман прозрачными ногами...

Как в старом чёрно-белом кинофильме,

в застывшем кадре вспыхивает плёнка -
восходит солнце над Тресковым Мысом,
и женщины несут своих младенцев
глотать туман у краешка Земли.

Тоскливо смотрят каменные лодки,
как проплывают белые младенцы
в торжественной рассветной тишине.

В рукоплесканьях голубых деревьев
восходит солнце над Тресковым Мысом.

1987

Дуга розоватая радуги:
слоистый изогнутый луч
оклеен прозрачной бумагой
с чернильными кляксами туч.

В деревьях, стриженных наголо,
осипшие птицы галдят.
Их клювы, набухшие влагою,
сияют, как капли дождя.

На радугу всадник уверенно
въезжает, огнём освещён.
И видно, как дышит размеренно
холмами земли небосклон.

1987

Массивные женщины с маленькими головами,
похожие на динозавров, сквозь солнечный блеск
спускаются к речке. Земля чуть дрожит под ногами.
Сочится зелёною влагою девственный лес.
В высокой траве их колени хвощи раздвигают,
тельца кровяные в набухших аортах поют,
вибрирует воздух, на платьях цветы расцветают.

И райские птицы над ними деревья клюют.

1987

В толще неба прозрачный рейсфедер
ретуширует дождиком ватман,
и деревьев зелёные сферы
расплываются в блёклые пятна.
Набухающий центр акварели,
словно след от застывшего взрыва,
и повисли осколки шрапнели,
как пунктирная ось перспективы.

Ватман, вставленный в раму окошка, -
аккуратный прообраз природы.
Дождь штрихует за домом дорожку,
и на ней силуэт пешехода,
провода над его головою...
И заметна уже еле-еле
за завесой сплошной дождевою
чья-то подпись в углу акварели.

1988

Зимой.

Верхушки деревьев зажглись за окном.
Словно чёрные свечи, могучие клёны
горящим кольцом окружают мой дом.
И стеклянное пламя струится по кронам.

В промёрзшей стране, где царапает снег
на рассвете стекло и никак не проснуться,
сугробы в окне, как в замедленном сне,
под раздувшейся простыней снега крадутся.

Колхозница в ватнике и сапогах
дирижирует хором подростков осипших.
Летает корявая палка в руках,
и колючею перхотью небо крошится.

Засыпало поле, деревья вдали...
Белизною сплошною нас всех засыпает.
И новым сугробом в поверхность Земли
промороженный дом мой всё глубже врастает.

1988

В капелле замёрзшего леса
зажглись канделябры деревьев:
великая люстра сосулук
на землю сочится закатом.

Торжественно вытянув шеи,
сидят неподвижные звери.
Закинута голова в небо,
и морды сияют блаженством.

Луна, разметав свои юбки
по бархату ложи небесной,
рассматривает благосклонно
притихшую публику леса.

Бежит по кустарнику шёпот,
и слышно, как за горизонтом
настраивают инструменты
невидимые музыканты.

И ждут своего дирижёра.

Сент., 92

Под утро проснёшься, и лес - в негативе.
Блестит кокаиновый снег меж стволов.
Над горкой ребристой висят сиротливо
волнистые крыши озябших домов.

Под заиндевелой луною текучей
деревья в снегу голосят о весне.
И лыжники в белых одеждах беззвучно
плывут привиденьями в синем окне.

Стоишь у окошка и, светом проточным
глаза сполоснув, представляешь себе,
как тоненькой змейкой в столбе позвоночном

тепло поднимается вверх, к голове.

Нояб., 92

Зернистый, насквозь промороженный воздух.
Блестящие точки плывут по луне.
Слезятся, мигая, мохнатые звёзды
сквозь снег, засыпающий снег.

Сияньем наполненный иней на ёлках,
как оледеневшее кружево слёз.
Царапают твёрдое небо иголки,
снежинки сметая со звёзд.

Ломаются в венах прозрачные гвозди,
и медленно кровь замерзает во мне.
Слезятся, мигая, мохнатые звёзды
сквозь снег, засыпающий снег.

Янв., 93

Сосны рыжеватая грива
в искрящемся снежном берете
висит, наклонясь над обрывом.
Берет, нахлобученный криво,
купается в солнечном свете.

Горят над сосною зарницы.
Как трещина, чёрная ветка
в эмалевом небе змеится.
На ней длинноклювая птица
вся отполирована ветром.

Вмурованный в край небосвода,
мерцает разбухший булыжник
из туч в золотистых разводах -
литые предметы природы
в пространстве висят неподвижно.

19-20 Дек., 93

В поезде, когда идёт снег.

Деревенька промелькнула меж снегов:
перебивкой чёрно-белой ёлок лапы,
вереница из ободранных домов -
как напильник, по зрачкам мне процарапал.
А потом всё потонуло в снежной мути,
и посыпались лавиной из углов
чьи-то жесты, появился на минуту
глаз, вмороженный в оконное стекло...

Перевязанный целебной белизной,
я куда-то провалился и казалось,
что купе, совсем пустое, за спиной,
как жестянка из-под жестов, вдоль по шпалам
громыхает и несётся всё быстрее...
Божье слово, неосознанное мной,
понемногу поднималось вверх по шее –
в мозг, светившийся в коробке черепной.

8 Мая, 96

Спят синие осины,
пригнув к земле горбы.
Их тени осенили
осенние грибы.

Чуть всхлипывают липы,
рвут листья на себе.
И бусинки брусники
разбросаны в траве.

В воздушных ямах запах
осин, пожухлых лип.
Лягушечьею лапой
листок к груди прилип.

Свод неба прохудился,
льёт дождик по краям
и лес преобразился
в живой, растущий храм,

где служат литургию
деревья надо мной.

13 Нояб., 96

Ветер плотно натянет на раму окна
загрунтованный солнцем кусок полотна,
где в слиянии синего и желтизны
жирных веток блестящие тени видны.

Там над травами, в ворохе мокрых мазков
распускаются кляксы дрожащих птенцов,
горизонт, превратившийся в контур лесной,
пилит пухлое облако чёрной пилой,

и бессмертная птица в сиянии брызг
неподвижно летит через солнечный диск...

Кто-то знающий меру и смысл Холста
ночью выверил точно детали, цвета
и собрал их под утро в окошко моё.

28 Нояб., 96

Ржавой мочалкою ветер-чистюля
сдирает нагар с небосвода умело.
В чёрной долине внизу, как в кастрюле,
кипит молоко облаков подгорелых.

Запахом трав и кореньев болотных
насквозь пропитались отвесные скалы.
В трещинах мечутся крики животных,
и тычется эхо куда ни попало.

Днище кастрюли нагретой дымится:
готовят на солнечном масле дешёвом
варёво жизни дряхлеющим птицам
в окутанной паром небесной столовой.

12 Февр., 97

В тропическом лесу
духовных инструментов
на ветках шелестят
дизель и бемоли.
Лианами сплелись
ключей скрипичных ленты.
в пустых стволах гудит
звук, рвущийся на волю...

И в самой глубине
под чёрною листвою,
где небо заросло
от края и до края,
летает дирижёр
огромной стрекозою
и крыльями стволы
на ноты рассекает.

20 Дек., 97

Рождество.

Над органом, луною облитым,
раздвигается медленно купол.
Неуклюжий кораблик молитвы,
окружённый флотилией шлюпок,
выплывает из верфи собора
с двумя сотнями душ на борту
по фиорду аккордов сквозь горы,
распустив паруса в темноту.

5 Марта, 98

...И увидишь: как влажная суть облаков
сквозь небесную марлю стекает ручьями
и сгущается в тёмное между домов,
как, царапая нежное брюхо о раму,
ночь в квадрат заползает оконный, и как
в её теле мерцают набухшие звёзды,
как ползёт вдоль стены, огибает косяк,
и кусок темноты, зацепившись за гвоздик,
превращается в старый отцовский пиджак,
в нём растут рукава, поднимаются в воздух
и благо-славляют того, кто увидел.

Июль , 98

Старость.

Неспешно размышляя о судьбе,
о том, что слов становится всё меньше,
сидеть у дома и смотреть на женщин,
и улыбаться ласково себе.

Опять в подъезде каблуки стучат
по ксилофону лестничных ступеней,
и проступают ниточки дождя
в подмоченном небесном гобелене.

Ползёт громада тучи, как утюг
разглаживая складки синей ткани,
и с края тучи сыплется сиянье,
высвечивает улицу вокруг...

Ручей голов из скважины метро,
переливаясь лицами, сочится
по мостовой, покрытой серебром
промокшей пыли. И щебечут птицы.

А я сижу здесь с раннего утра...

3-4 Янв. 99

Взгляд со стороны.

Если голову вбок повернуть до предела,
горизонт, вертикально поднявшись в тумане,
превращается в зубчатый край океана,
и деревья, воткнутые в берег, как стрелы,
начинают дрожать опереньем колючим.
Вдоль деревьев ползут вертикально трамваи,
колокольня, над краем небесным сгибаясь,

удит шпилем на крестик ленивые тучи,
над землёю висят груды домиков белых...

И прозрачная тяжесть из твёрдых предметов
вытекает по капле сквозь воздух нагретый,-
если голову вбок повернуть до предела.

Авг. 01

Бросая на ветер чужие слова,
в коробке, лоснящейся чёрным стеклом,
плывёт над асфальтом твоя голова,
зеленая масса течёт в окоём.
День, смазанный скоростью. Густо, подряд
деревья скользят сквозь стекло лобовое,
а в зеркале заднего вида квадрат
из жизни недавней висит над тобою.

В нём чья-то машина, как мокрая мышь,
сидит, уменьшаясь в тени тополей,
и красное крошево крашенных крыш
плывёт сквозь застывшую зелень полей.
Колёс перестук отдаётся в груди.
А ты всё бормочешь, рифмуя обиды.
Петляет твой жизненный путь впереди.
И стих – словно зеркало заднего вида.

22-24 Нояб., 02

Ещё одна зима
придёт по мою душу.
Ещё раз всё кругом
затянет белизной...
Опять лежать впотьмах,
закрыв глаза, и слушать
ликующий псалом
метели за стеной.

И плыть над мостовой
сквозь голоса органа
всех водосточных труб -
промёзших, длинных снов.
Их рой над головой
мерцает покаянно,
и льются звёзды вглубь
заснеженных дворов.

Тугой свисток внизу
истошный, истеричный,
как бабий крик: «Пустии»,
усиленный стократ:
в невидимом лесу
пустая электричка,
сошедшая с пути,
несется наугад.

За городом дома
под простынёю снега
торчат, как позвонки
на согнутой спине...
А я плыву впотьмах
между землёй и небом,
сжимаю кулаки
и бормочу во сне:
«еще одна зима...».

VI

1988

Гирляндой овалыные, плоские лица
висят неподвижно на чёрной стене.
Над лицами дым сигаретный слоится.
Усталый хозяин сидит в стороне.

Нанизаны на серебристые вилки
кровавое мясо, раскрытые рты.
Полощется свет в недопитых бутылках.
Трясутся ножи на тарелках пустых.

Испуганный мальчик стоит у рояля
с зажжённой свечою, прижатой к груди.
В мерцающем воздухе к лицам овальным
прилипли куски ритуальной еды.

Блестящие губы жуют беззаботно.
Моргают над пищей пустые глаза.
„Не кушайте мясо убитых животных.
Убоина - яд!“ - вдруг ребёнок сказал.

Лишь только он кончил, как полночь пробило.
В окне прокричал деревянный петух.
И слышно им стало, как вещи молились.
И свет на груди у ребёнка потух...

... а тот, кто был должен наутро предать их,
из комнаты вышел.

1988

Вознесение

Всплыл
столп женских тел
 в небо
 белой спиралью.
На миг осветился
и сразу погас.
И небо сомкнулось.
Лишь птицы
печально,
как души умерших,
 кружить продолжали:
 прощались, наверное,
 с каждым из нас.

1988

Божий зверь,
Лесоруб красногубый-
Низкозад, крутогруд, иглокож-
В дом войдёт,
И, ощеривши зубы,
Распахнёт на груди волчью шубу,
Вынет нож, не спеша, и поймешь
По глазам налитым душегуба:
Пропадёшь, ни за грош

Пропадёшь...

1988

Концерт

Кто-то лысый в мятом фраке
повторяет заклинанья,
на кусочки воздух режет,
весь на цыпочки встаёт.
Сто голов на длинных шеях
застывают в ожиданьи,
и плывут по залу блики
головастиками нот.

Голубая вьётся скрипка
над скучающим пюпитром,
но её за горло держит
раскалённая ладонь.
Откровеньем и кощунством -
разглашением молитвы -
над пюпитром вьётся скрипка,
словно птица над огнём.

Злой колдун летит над залом.
С механическим блаженством
осторожно окунает
в ночь рукав из янтаря.
Набухает вдохновенье
в подбородке у маэстро.
И смычок у горла скрипки,
словно лезвие, застрял.

1988

Я всё чаще теперь замечаю:
стоит только на миг отвернуться,
как знакомые с детства предметы
с мест сдвигаются и осторожно
подползают почти-что вплотную,
и стоят за спиной полукругом,
ожидая сигнала к атаке...

Видно, кто-то командует ими.

Иногда захватить удаётся

их врасплох, и на долю секунды
краем глаза я в зеркале вижу,
как с ленивым презреньем над полом
зазевавшийся стул проплывает,
или шкаф поднимается в воздух
и готовится прыгнуть на плечи...

Я стою и боюсь шелохнуться.

Мои вещи совсем обнаглели:
не хотят на места возвращаться,
их тела покрываются потом,
всё быстрее начинают вертеться
и наматываться мне на шею
очень скользкою мокрой верёвкой...

Жить становится слишком опасно.

Вот вчера, например, целый вечер
наблюдал за ножом перочинным.
Он прикинулся мёртвым вначале.
Но меня так легко не обманешь.
Через пару часов я заметил:
свет на лезвии начал дымиться,
нож забился, как будто в падучей,
и с шипеньем пополз потихоньку...

Хорошо, удалось убежать мне.

А в последние дни появились
голоса, непонятно откуда.
Они были, конечно, и раньше,
но вели себя, в общем-то, тихо.
А теперь - как крикливые бабы,
без умолку визжат и плюются,
кулаками стучат истерично
изнутри в черепную коробку...

Я себя уже больше не слышу.

Неуклюжим магнитом в щетине
голосов и предметов враждебных
я стою, растопыривши руки.
Ключья света по комнате пляшут,
в голове моей звон нарастает,
барабанные рвёт перепонки.
Всё быстрее вращаются вещи...

Заснул, весь привычно согнувшись,
как старый бегун перед стартом.
И вспыхнул в мозгу телевизор:
в огромном зелёном экране
скользят, извиваются цифры,
сжимаются в белую точку
и в небо туннель образуют.

Иду, натываясь на стены.
Слепые летучие мыши
мохнатыми крыльями бьются,
в моей голове застревая.
И цепь саблезубых монахов -
коммандос, спустившихся с неба -
пунктирной осью уходит
в лицо совершенного Будды.

Всё это со мной уже было.

Сверкающей каменной глыбой
лежит на песке лицо Будды.
Меня кто-то поднял за шею,
как пешку вперёд пододвинул,
и я головой прикоснулся
к губам его полураскрытым,
пытаясь услышать хоть что-то.

Дрожат вокруг мокрые стены,
и катится пот с меня градом.
Под речитативы монахов
фигуркой из мягкого воска
всё тело моё оплывает,
становится белой точкой,
как след в середине экрана...

И гаснет в мозгу телевизор.

Когда он ко мне повернулся,
и мы оказались вплотную,
я стал замечать постепенно
свечение третьего глаза:
из точки, где сходятся брови,
смотрел на меня с удивленьем
ещё один глаз, неподвижный.

Мне спорить уже не хотелось.
Мы молча сидели на кухне
и лбами почти что касались
друг друга, как два коромысла
весов, опустившихся с неба.
Лицо моё вверх поднималось:

я взвешен и найден был лёгким.

Он что-то сказать попытался.
Дрожащие синие нити
по телу его заструились
с сухим электрическим треском,
как тысячи маленьких молний.
Но я его больше не слышал:
лицо моё плавало сверху,
уже отделившись от тела.

Я плыл, замирая от счастья,
сквозь лица недавно умерших,
сквозь лица родных и знакомых,
сквозь вещи, забытые с детства.
Я плыл коридором спасенья,
обмытый сияньем проточным,
и память о жизни и людях
с меня шелухой осыпалась.

И было пронзительно ясно:
я жил свою жизнь как зародыш
внутри материнской утробы,
барахтался, рос, развивался,
готовился к этой минуте,
последней минуте рожденья.
Но я не готов оказался,
и надо назад возвращаться.

.....

Когда, наконец, я очнулся,
его уже не было в кухне.
Лишь в воздухе жёлтая точка
дрожала остатком свеченья.
Я долго смотрел в эту точку,
и всё моё грузное тело
пыталось осмыслить частицу
того, что мне вдруг приоткрылось.

1988

Я помню, я ехал с работы
один, вдоль притихшего леса.
Машина плыла по асфальту,
наматывая на колёса
зеркальную ленту дороги...
И я засыпал постепенно.

Но вдруг, словно дёрнуло током
от боли, сверкнувшей в затылке:
лицо моей умершей мамы
летело в соседней машине,

струясь электрическим светом...
И было чудовищно тихо.

Прозрачные серые ветви
в глазах её плавно скользили.
Губами к стеклу прижимаясь,
она повторяла всё время
какую-то длинную фразу...
И била в стекло кулаками.

Чужой желтолицый мужчина
с массивной седой головою
сидел рядом с ней неподвижно,
сжимал колесо рулевое
своими большими руками...
Глаза его были закрыты.

Я газ выжимал до предела,
их лица назад уплывали.
Но всё это было напрасно:
я знал, у меня за спиною
несётся, огней не включая,
машина её сквозь деревья.

1988

Попытка рождения.

Сегодня приснилось, что я умирал:
в душе разорвалась хрустящая ткань,
крик вылетел в небо и, как бумеранг,
ко мне возвратился обратно в гортань.

Я плыл в пузыре тишины наугад:
угрюмый зародыш, разбухший от слов.
Теченьем меня по туннелю несло...
я умер, и, вот, возвращаюсь назад.

И крик, как иголка, пузырь проколол...

26 Янв., 92

Над церквями, мостами, домами
в зимнем солнце горящее тело,
налюбовленное до предела,
изогнувшись дугою, летело,
всё обмотанное облаками.

В нём тяжёлым, лиловым отливом
сотни глаз, не мигая, сияли,
с хрипом небо жевал хохотальник
и сквозь ветер смеялся гугниво.

Это женское тело в преддверьи
превращения в знаменье плыло,

выжигало цветы на могилах,
растекалось по небу, струилось
чёрным облаком с обликом Зверя.

Февр., 92

Муравьи, высотой с человека, из мглы
выползают колонною по-трое в ряд.
Задевая дома и ломая углы,
их клешни с металлическим лязгом звенят.

В самом центре колонны ползущим пятном
пустота, и внутри, запрокинув рот,
Чингизхан Джугашвилевич Гитлер идёт,
окружённый живым муравьиным кольцом.

Он пробитую пулей икону к груди
прижимает, уставясь в небесную твердь.
А кольцо муравьёв возбуждённо гудит,
и в хитиновых панцырях плавает смерть.

25 Февр., 92

Освещённая ярко аптека
на окраине Массачузетса.
Ни души. Только мягко мерцают
склянки с ядами, и за прилавком,
как в созвездии Фармакопеи,
белой тушей провизор в пенсне,
чуть похожий на Берию, нежно
гладит склянки. Скрипит портупея
под душистым крахмальным халатом.
И дрожат накладные усы.

Он стоит, отражаясь в прилавке:
поджидает меня терпеливо
ночь за ночью. Одиннадцать лет.

2 Мая, 92

Отверстие круглого рта,
лиловой мембраны мерцанье.
Под нею помады черта -
неряшливый знак вычитанья.

В напудренных складках висят
исчадия глаз подведённых.
Как страшно раскрашен фасад
бессмертной души, заключённой
в обтянутой кожей сосуд...

12-15 Мая, 92

Ампутировал прошлое и в инвалидной коляске,
громыхая, несусь в туче пыли средь белых камней.
Уже нечем дышать, напрочь душу отбило от тряски.
Неба синий наждак обдирает всю кожу на мне.

В раскалённые диски сливаются острые спицы,
словно пену, взбивая из воздуха солнечный свет.
Обгоняя мой хрип, вниз под гору летит колесница.
Я привязан ремнями. И пыль замечает мой след.

11 Нояб., 92

В сигаретном дыму
говорящие круглые головы
проплывают вокруг
на раздвоенных книзу телах.
Пахнет жженою серой,
сивушную гнилью тяжёлою.
Волосатые сферы,
толкаясь под лампочкой голою,
изрыгают слова,
раскаляя себя добела.

Нояб., 93

За столами дородные жёны.
Анемичная спит добродетель
в полукружиях лиц наклонённых.
На руках у них пухлые дети
грудь сосут, улыбаются сонно...

Шепелявый юродивый ветер,
набухая звучанием, стонет,
лижет лысые головы детям.
Тлеет воздух в углу над иконой,
Божий лик на них ласково светит,

И кончается тысячелетье...

Янв., 94

Это тело чужое, в котором
я хожу уже больше полвека,
на глазах моих деревенеет.
Остановишься - и отовсюду,
разветвляясь сквозь новую почву,
прорастают бесшумно и быстро
волосатые белые корни.

И когда, извиваясь от боли,

вырываешь себя и уходишь,
волоча за спиною отростки,
паутину разорванных судеб,
то подошвами чувствуешь: кто-то,
очень сильный и злой, под землёю
в темноте продирается следом,
поджидает, пока ты устанешь
остановишься, выпустишь корни.
Чтоб вцепиться в них мётвою хваткой.
И к себе затянуть...

22 Окт., 94

В полдень карлик слепой с воспалённым лицом
появился из жерла подъезда на свет,
что-то выкрикнул в небо разорванным ртом,
нахлобучил угрюмо на череп берет
и раскинул ворсистые руки крестом.

И глаза проступили в ладонях... потом
в них набухли горючие капельки слёз.
От зеркальных ногтей замелькали кругом
десять зайчиков роем разбуженных ос.
Он стоял, окруженный жужжаньем, с трудом
равновесье держа. Серебристый ремень
сквозь разрез пиджака вылезал, словно хвост.
И сочились глаза из ладоней на тень.

Опустившись на корточки передо мной,
скрючил пальцы и начал ногтями скрести.
Соскоблил свою липкую тень с мостовой,
с отвращеньем забросил подальше в кусты,
разбежался... и в землю нырнул с головой.

18-19 Янв., 95

Прокручивая сны свои назад,
я заставаю в кадре, где луна
сквозь дырку в туче освещает сад.
И женщина внизу у края сна,
качаясь, в позе лотоса сидит.
Пять пальцев одинаковой длины,
как белый веер, на её груди
шевелиются в сиянии луны.

Из раковин ушных ручьи текут
живого пота, разъедая кожу.
Под шеей слившись в волокнистый жгут,
уходят в треугольное межножье...
Подрагивают брови на сосках,
напудренных толчёными костями.
Глубокий шрам пробора в волосах
пульсирует неровными толчками.

Кусок луны над головой её
обёрнут в тучу, словно в чёрный саван.
Она на древнем языке поёт,
поднявши к небу оба глаза правых.
И не уйти... как будто у меня
всё тело рассыпается на части.
Я знаю: женщина у края сна
немыслимую обладает властью.

21 –23 Нояб., 97

Повёрнутый Пейзаж.

«Отдели землю от огня, тонкое от грубого
с величайшей осторожностью, с трепетным тщанием»
Гермест Трисмегист «Изумрудная Скрижаль»

Горизонт вертикальную жирной чертой –
Всё небесное слева. Всё справа земное.

В половине небесной
разреженный воздух,
там в созвездья навечно
срифмованы звёзды.
И крылатые звери
прячут между ними,
заслоня созвездья
тёлами своими.

На земной половине
под почвою чёрной
копшатся живые
разбухшие корни.
Это руки без тел
к небу медленно роют
миллионы туннелей
в пластах перегноя.

К горизонту прижавшись повернутой вправо
головою, стоит человек плюгавый
в лисьей шапке и длинном кафтане раввина:
человек пытается две половины
с осторожностью, с трепетным тщаньем раздвинуть.

5 -15 Дек., 97

В конце дороги пьяный сторож дремлет.
Гудят стволы - обугленные трубы
завода „Лес“, закопанного в землю.
И в сером небе намалёван грубо
тяжёлый дым над трубами, как кроны.

Вовсю кипит подземная работа.
В отделе кадров за столом огромным
сидит Начальник, обливаясь потом.
Топор над ним сияет как икона.

Сквозь сапоги, измазанные глиной,
колоды ног разбухших прорастают
ветвями красных пальцев в пол бетонный...
Глаза закрыв и голову откинув,
он Дело моё медленно листает.

А над землёю, в белизне творожной,
гудят стволы, мелькают хлопья снега...
Счастливый сторож спит, и осторожно
метель с его лица снимает слепок.

9 Мая, 99

...и в две тысячи-мне-неизвестном году
душной ночью в парижском отеле, залитом
потом мебели старой, проснусь в пустоту
из враждебных вещей... и увижу в окне,
как ребёнок, летящий верхом на коне,
света пригоршни из серебристого сита
рассыпает во тьму, приближаясь ко мне
между цинковых крыш, он кричит на ходу...
И к стеклу прижимаясь щекою небритой,
я молитву начну бормотать на иврите.

И тогда двое чёрных в мой номер войдут.

13 –14

Апр., 00

Военный храм. Внутри колонн ракеты.
Танк в алтаре замазан белой краской.
Все прихожане в штатском, но при этом
на головах надраенные каски.

Честь отдавая небу под разрывы
снарядов в репродукторах настенных,

выпячивают груди горделиво.
Струятся слёзы. И устав военный
молитвою надрывною восходит
под тёмный купол, в горельефы пыли.

Вдоль стен охрана с ружьями на взводе.
В тяжелой, золотой епитрахили
из танка вылезает Маршал Церкви.
Благословляет крововерных в храме.
И витражи застывшим фейерверком
по случаю победы над врагами
со всех сторон сияют нестерпимо.

Курсант из бункера хоругвь выносит.
Над древком изогнулась струйка дыма.
В прогнившем шёлке спелые колосья,
серпы и молоты шевелятся тревожно.
Глаза курсанта набухают ртутью.

Великий Маршал Церкви осторожно
в сосуд из меди окунает прутья.
Святою смесью крови, слёз и пота
кропит хоругвь, простреленную пулей.

В большом экране, прямо над киотом,
жилой массив прочерчен сеткой улиц.

И чёрный крестик движется на цель.

Дек., 00

Либретто для Классического Балетта.

Жестью жеманно-торжественных жестов,
вкрадчивым шелестом пачек балетных,
шей напряжённых припудренным блеском –
праздник оживших фигурок Ватто.
Задник, лоснящийся маслом зелёным.
Нимфы-пастушки и пары влюблённых,
словно воланчики для бадмингтона,
плавно порхают над сценой пустой.

Прима ступнёй возбуждённой ласкает
голый помост и, себя повторяя
тысячью оттисков, кружится в стае
трепетных муз, ходит вся ходуном...
Кием прожектора загнанный в угол,
в тесном трикко вертопух-нахалуго
смотрит на приму с притворным испугом,
хищной рукой прикрывая стегно.

Тут выбегает из кордебалета
друг вертопуха, в лохмотья одетый,
и начинает вертеть пируэты,
в небо закинув покрашенный рот.
Вот, в безысходной тоске и волненьи,
он через сцену скользит на коленях
и тормозит возле рампы. С шипеньем
дым у него из подмышек идёт.

Музы сплетают венок хоровода.
Рябью подёрнулись пачки на бёдрах.
В пене всплывают застывшие гордо
друг с вертопухом у приминных ног.
Свет проступил в преисподней оркестра.
Мечется, не находя себе места,
в сонме смычков шестирукий маэстро,
словно взбешённый языческий бог.

Он отсекает наточенной тенью
ниточки взглядов, протянутых к сцене.
Из преисподней вздымается пламя.
Хлынули звуки густою струёй –
музыки тело в пылающей яме
бьётся с отрубленной головой.

Февр., 01

Распахнуты двери в Больших Теоремах.
Мерцают из мрака проёмов лепными
изгибами бледнозелёные леммы,
сплетённые символы, формул волокна
и мнимые числа... Повсюду над ними

торчат Неизменные Сущности в окнах;
пустыми зрачками сияют надменно,
в пространство уставившись мысленным взором.

Обитые бархатом жёлтым, кареты
стоят неподвижно. Их тени на стенах
рассыпаны, словно резные узоры.
И гривы коней шевелятся от ветра,
всплывая над спинами чёрною пеной.
Храпят кучера, развалившись на козлах.
Надвинуты шапки на брови, и грозно
носы их горбатые к небу воздеты.

Пунктиром расставлены вдоль парапета
скульптуры, похожие на интегралы, -
фигуры наставников. К бронзовым бочкам
цепными дробями прикованы прочно
крылатые цифры. И на пьедесталах,
натёртых десятками тысяч ладоней,
сентенции золотом – длинные строчки
записанных в камне цитат из Платона.

В распластанном городе время застыло.
Лишь в старенькой лодке слепой математик
к заливу плывёт по реке доказательств.
И солнце стекает на лысый затылок.

VII

1987

В ресторане

Огромные тёплые бёдра,
обтянутые чешуёю
из липкой мерцающей ткани,
плывут, натываясь на стулья.
В круженье квадратиков света

плывут вереницею бёдра.

Вибрируют грани предметов.
Слепая ленивая сила
самцов поднимает со стульев.
И воздух становится вязким,
наматывается на бёдра,
и путается под ногами.

В рубашках, набухших от пота,
вальжные спермотазавры
сквозь запах еды проплывают
в грохочущий угол оркестра.
Их волосы тонкой штриховкой
чернеют на лысых затылках.

Навстречу плывут вереницей
слегка захмелевшие бёдра,
царапаются чешуёю
о вязкий прокуренный воздух.
Поскрипывая и качаясь,
плывут вереницею бёдра.

Плывут маслянистые лица,
лиловые зубы ликуют
в ошейниках из ожерелий.
И твёрдые вены, взбухая,
растут в гофрированных шеях,
как синие ветви деревьев.

Ночь. Четвероногие пары
плывут, прижимаясь друг к другу,
и сходятся тени над ними.
Исчезли все двери, и окна
уже на глазах зарастают
дрожащей болотной тиной.

И дом этот кажется шаром.
Обёрнутый мокрой фольгой,
он катится в чистое поле.
Всё больше сжимаясь в размерах,
он катится к краю Вселенной.

Я где-то внутри в этом шаре.
И дождик за стенкою плачет...
как будто меня отпевают.

31 Июля - 7 Авг., 92

Всё лето страна торговала.
Всё первое лето свободы
начальство на деньги с народом
колодою новой играло.

В провинциях бывших порою
шли мекие стычки и войны,
но в центре всё было спокойно.
Москва задышалась от зноя.

И всё бесконечное лето
пасьянсы раскладывал город
из бывших тузов, их шестёрок
и мелких партийных валетов.

Тянулся, зажмурившись, в небо
дряхлающий Дом Министерства
с припудренным пылью, имперским
увитым колосьями гербом.

Мерцал чешуёю оконной,
заглатывал чьи-то проклятья,
урча, словно чревовещатель,
свою утробой бездонной.

И дверь Министерства вертелась,
сдавая на площадь привычно
фигурки в очках заграничных -
колоду дельцов очумелых.

.....

По самому крупному счету
в то первое лето свободы
играли краплёной колодой.
И ставки удваивал кто-то.

Июль, 94

А детства не было. Был двор,
где меж сараев,
я пробирался словно вор,
всех избегая.

Но дворник как-то раз засёк
и мне вдогонку,
окурочив, изрёк:
„смотри, жидёнок!“

И я смотрел. И шёл вперёд
как по канату.
А за спиной моей народ
ругался матом.

Я был им мальчик для битья -
еврей очкастый.
Ох, эта пятая статья
советский паспорт!

Тогда воспитывали нас
рукой тяжёлой
милиция, рабочий класс,
семья и школа.

Из книжек, радио, газет
всё время ввали.
И щурился со стен портрет-
товарищ Сталин.

.....

Теперь рекламы на домах.
Мои соседи
торгуют бешено в ларьках
несвежей снечью.

Кто похитрее был из них,
уже, быть может,
среди начальников больших.
Прости им, Боже.

Двор зарастает трин-травой.
А мне осталось
клеймо на памяти живой -
такая малость.

Янв., 92

Город сжался в комок в ожидании удара,
словно ёж, ошетинился иглами шпилей.

В темноте напряглись сухожилия арок,
сбились в кучу дома, плотно двери закрылись,
громыхая суставами петель, затворов...

Как гудящая Азия Божьего Гнева,
саранча вертолётчиков несётся на город,
лопастями кроша беззащитное небо.

На старте 28-30 Июля, 93

Членистоногий человек в заклёпках,
с зажатым мотоциклом между ног.
Прозрачный шар над черепной коробкой.
Лучи сплелились на шаре, как венок.

Урчит мотора хищная утроба.
Полощет блики гнутых трубок сталь.
В седле из кожи ошалевший робот
раздвоенным копытом жмёт педаль.

Обнюхивая воздух фарой мутной,
ревёт машина, прямо под собой
наделав кучу грязи и мазута,
газ выпускает выхлопной трубой.

Вокруг толпа угрюмая возникла.
Стекает небосвод ручьями звёзд.
Прозрачный шар висит над мотоциклом,
и в нём, как камень, – чёрный, мёртвый мозг.

Проповедь по Телевизору.

Сын внебрачный кириллицы и диамата,
заглотив комара левым глазом, в экране
квохчет алкоголичиком крупноформатным -
пузырятся слюною слова воскресанья...

Замолкает. И снова, прикинувшись шлангом,
плещет многоглаголаньем мыслерождённым.
Танец с Голой Душой. Командирское танго.
Отходная. Кончается времечко онно...

Так покойнику в ухо молитву читают.
Так с глазами закрытыми ночью танцует
под промёрзшею тундрю в шахте бетонной
перед запуском лысых ракетчиков стая -
за минуту до встречи со светом. Впрямую...

15-18 Окт., 94

Ветер чиркнул о зубчатый край горизонта вороной.
Пересохшее облако вспыхнуло с треском, как вата.
Осветило забор, караульную будку, солдата
за столом колченогим, покрытым клеёнкой зелёной.
Копошатся ленивые пальцы в страницах измятых.
Он листает, словами во рту шевеля монотонно,
календарик, в котором день смерти моей напечатан.

Июль , 95

Чужая изба под Москвою.
На брёвнах узоры из влаги.
Я сплю за столом, с головою
зарывшись в листочки бумаги.

В окошке над облаком белым
Луна сторожит моё тело.

К утру, перед самым рассветом
стук двери, как выстрел над ухом
игрушечного пистолета.

Взлетают багровые мухи,
и Сон появляется сразу
в тельняшке, облепленной грязью.

Зияя пустыми зрачками,
ко мне он подходит вплотную,
заносит топор над стихами...
И буквы бегут врассыпную.

Так чуткое стадо животных
от тени бежит самолётной.

Чернильная струйка живая
течёт из виска по листочкам,
бесшумно в стихах расплываясь.

Боль входит сквозь столб позвоночный.
И я просыпаюсь мгновенно.
Качаются пятна на стенах.

Петух разрывает завесу
из слипшихся звёзд и рассвета
над зубчатым контуром леса.

Окно наполняется светом.
Изба оживает. Спросонок
кричит за стеною ребёнок.

Хозяин, весь солнцем пронизан,
в тельняшке идёт через двор.
Куриною кровью забрызган
наточенный остро топор.

И мухи багровые роем
кружат над его головою.

26 Мая, 96

Железные Стихи.

На чёрных заводах
из домен пылающих хлещут
живые ручьи
добела раскалённого гноя.
За деньги железные

варят железо стальное
в огне сталевары
огромные в масках зловещих.
И сталь застывает
в холодные, мёртвые вещи:
ножи, автоматы,
винтовки и всё остальное.

Железными бритвами
небо над нами разрезав,
проносятся в ночь
самолётов железные стаи.
Железные рельсы,
как обручи, землю сжимают.
Железные змеи
ползут по дорогам железным.
На нас отовсюду
предметы железные лезут.
Железный металл
в голосах и в крови проступает.

Железных людей -
так легко нас теперь намагнитить.

23 Марта , 97

Аквариум окна.
На дне между домов
раздувшийся трамвай,
набитый дополна
икринками голов,
в сплетеньях фонарей,
и чёрных проводов
волочит свой живот,
и, жабрами дверей
глотаю кислород,
вплывает в русский рай...

Я мог быть там - внутри.

19 -20 Апр., 98

Вычислительный центр
в переулке Г.Марка.
Трёхэтажный сарай
разгорожен, как соты.
Терминалов экраны
подсвечены ярко,

на экранах - иконки...
Качаются сотни
одинаковых лиц
на изогнутых шеях...

Новый русский Директор
один в кабинете
изучает журнал
для мужчин и балдеет.
Вентилятор жужжит,
в перемолотом свете
голограммы соблазнов
взрываются тихо.

У начальства в мозгу
набухают идеи
и сплетаются намертво
похоть и прихоть...

Бюстик Ужаса дремлет
под знаменем сладко.
И пульсирует красная
лампочка „Выход“,
оставляя в зрачках
у него отпечатки...

А за окнами месяц
плывёт над столицей,
и корона из звёзд
на рогах его дышит.
Красно-серое небо
дождями сочится.

Стаи мокрых такси,
как голодные мыши,
пожирают проворно
крупку пешеходов.
На окраинах, между
дымящих заводов,
коридоры из стёкол
по рельсам несутся...

И над ними в дожде
извивается лента
голубых огоньков
посреди небосвода -
это души родных
на летающих блюдцах
возвращаются к нам
в вычислительный центр.

23-24 Апр., 97

Встреча

Там, где памятник Ироду раньше стоял
в ледниково-советский период застоя
возле „Детского Мира“ над главной тюрьмой,
а теперь чёрной тумбой торчит пьедестал,
снова встретились мы у последней черты
в эту ночь, за которою не было завтра,
ущевшие чудом, как два динозавра.
В новом „Здравствуй!“ твоём было слышно „Прости“.

И мохнатое дерево из тишины,
набухая, росло на глазах между нами,
обнимало за плечи живыми ветвями...
наши головы в листьях почти не видны.
И уже не понять, для кого листопад,
пьедестал, и тюрьма, и невидимый Ирод...
И зачем мы стоим возле „Детского Мира“
у последней черты. - И молчим наугад.

Москва, 1 Января 1998

В твёрдое небо растут над столицей
башни кремлёвские, как сталагмиты.
Куртки из кожи животных убитых,
шубы звериные с женскими лицами,

сумки, в которых шевелится пицца -
вниз по Тверской люди денег в свечении
слов иноземных плывут по течению,
не обращая вниманья на нищих.

Бьётся реклама на стенах заснеженных.
Ветер гудит в подворотнях сурово.
Первая ночь Девяносто Восьмого.
Холодно в русской столице приезжому.

Апр., 99

Картинки с Выставки.

Подвал искусств. На отсыревших стенках

полотнища прилеплены вплотную.
Переливаясь грязью всех оттенков,
из рам стекают масляные струи.

За столиком, в чалме из никотина,
сидит художник, в пустоту гундося.
Он водит мутным взглядом по картинам,
по рюмкам с тёплой водкой на подносе...

Вокруг снуют безликие мужчины.
Под кожей нейлоновых сорочек
тела гудят, как гибкие машины,
в них мёртвая энергия клокочет.

Там двигатели внутренних сгораний,
работая на чистом алкоголе,
их языки приводят в состояние
вращения непрерывного; глаголы,

со скрежетом цепляясь друг за друга
и лязгая изжёванным металлом,
передают движение по кругу...
и жжёной серой тянет из подвала.

Февр., 01

... о том, как изнасиловал княжну,
а утром бросил за борт на потеху
дружкам своим. Вот так-то в старину
братва гуляла. И плывёт, как эхо,
по Волге песня. Вплоть до наших дней
над этим местом кружат чаек стаи,
лежит княжна персидская на дне
и к мести правоверных призывает.

Февр, 01

Год - две тысячи первый. Конец февраля.
Место действия: кухня
в московской квартире -
у Никитских Ворот, в двух шагах от Кремля -
затерявшийся кубик
обжитого мира.
Стебли погнутых вилок, грибница посуды,
сквозь замшелую скатерть

проросшие ночью.
След от сырости в стенке, как профиль верблюда,
уходящего в небо.
И чайник клокочет,

восседая на синем цветке из огня.
В освещённом пространстве
пульсирует рваный
женский голос, как след затянувшейся раны,
как молитва «Кол Нидре»
в день Судного Дня.
Двое в чёрных одеждах сидят за столом.
Дотлевает в грибнице
дрожащий огарок.
И молитва, над свечкой свернувшись клубком,
превращается в голову
женщины старой.

Перепуганный мальчик, качаясь всем телом,
повторяет за ней
исступлённо и быстро.
Телевизор соседский кричит оголтело -
«Глас Народа» вещает
про русских фашистов.
За окном месяц с тучей на белых рогах -
бык уносит Европу
в чеченские горы.
Нежный снег белизной засыпает весь город,
засыпает их дом,
их молитву, их страх.